

ЭШИЛІ МАРЧ

НЕОТРАЗИМАЯ
ГРАФИНЯ

Эшли Марч

Неотразимая графиня

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964915

Неотразимая графиня : роман / Эшли Марч; пер. с англ. Н.Ф. Орловой:

Астрель; Москва; 2013

ISBN 978-5-271-45994-8

Аннотация

Лия Джордж и Себастьян Мейдингер, граф Райтсли, связаны болью предательства: трагически погибшие муж Лии и жена Себастьяна, как оказалось, были любовниками. Однако если граф намерен любой ценой избежать разглашения этой тайны, то гордая красавица Лия готова поведать обществу скандальную новость.

Единственный выход для Себастьяна спасти репутацию обоих – немедленно жениться на Лие. Любовь в его тщательно продуманные планы, конечно же, не входит, но порой страсть врывается в жизнь негаданно-нежданно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	44
Глава 5	60
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Эшли Марч

Неотразимая графиня

Глава 1

Лондон, апрель 1849 года

Как и на протяжении многих других ночей, Лия лежала без сна на большой кровати и, глядя на балдахин над головой, следила за причудливой игрой света и тени, которую создавало пламя камина. Непрерывный шум дождя и завывания ветра нарушали привычную тишину.

Комнату на мгновение осветила вспышка молнии, и Лия затаила дыхание, глядя на освещенные цветы на балдахине, сотканые из серебристых нитей. И даже когда спальня погрузилась в темноту, она могла перечислить каждую деталь этой огромной кровати в стиле рококо: витые столбики красного дерева, резной карниз в виде пальмовых листьев и, конечно, драпировка из роскошного темного бархата; ножки кровати в виде львиных голов и куполообразный балдахин. Когда молния сверкнула в очередной раз, Лия постаралась дышать ровно, ожидая раскатов грома.

Она представляла себе женщин, которые до нее обитали в этой спальне: мать ее мужа и его бабушку. Неужели и они

вот так же лежали в одиночестве на этой роскошной кровати и так долго смотрели на балдахин, что им начинало казаться, будто они видят его вышитые ленты и цветочные гирлянды, мерцающие серебряные нити и розы, которые казались совершенно черными в темноте? Проходил час за часом, а они воображали, что видят каждый стежок, что способны сосчитать их все и тут же забыть число, когда внезапные звуки в холле нарушат тишину, возвращая их к действительности и заставляя замереть в ожидании.

Ее сердце гулко стучало, пока она ждала, когда эти звуки превратятся в шаги, направляющиеся вверх по лестнице, а точнее, в уверенную, свободную походку Йена. До чего же она была глупа когда-то, обожая его походку, его улыбку, золотистый блеск выгоревших на солнце волос... все в нем. Но еще глупее была сейчас, боясь, что он войдет в ее спальню, хотя знала, что он с легкостью принял ее просьбу не беспокоить ее, стоило сослаться на головную боль. Возможно, даже был рад этому.

И сейчас, слушая шаги, она неподвижно лежала в постели: ни справа, ни слева, а именно посередине, как будто небольшое пространство с каждой стороны могло оттянуть момент, когда он ляжет рядом с ней и начнет гладить ее грудь скудными движениями. По крайней мере он мог бы избавить ее от этого.

Дыхание Лии участилось, когда шаги раздалились в коридоре. Нет, это не ее муж. Она вздохнула с облегчением. Эти

шаги слишком поспешные и короткие. Ее взгляд снова обратился от двери к потолку над головой, пальцы, сжимавшие покрывало, расслабились. Она снова начала считать стежки.

Один, два, три, четыре...

– Мадам?

Взгляд Лии остановился на широкой ленте, и она взглянула туда, откуда раздавался голос экономки.

– Миссис Джордж? Извините, что беспокою вас, но...

– Нет-нет, ничего страшного, – отозвалась Лия. Отбросив простыни в сторону, она поспешила навстречу экономке. Что угодно, лишь бы оставить эту ненавистную постель. Она уже открыла дверь в коридор и протянула руку, чтобы пригласить миссис Кембл в комнату, когда замерла, пораженная странным выражением лица экономки. Куда ушла ее обычная приветливость? Сейчас это было лицо, изрядно потрепанное временем, каждая морщинка, став глубже, подчеркивала возраст. Брови сдвинуты на переносице. Зубы покусывают нижнюю губу, дрожащие руки сжаты под грудью... Миссис Кембл, подняв глаза, посмотрела на Лию:

– Простите, мадам. Произошел... несчастный случай.

Лия заморгала. Казалось, что рот экономки двигался в странно замедленном ритме, как если бы каждое слово давалось ей с трудом.

– Несчастный случай? – повторила она. И, произнеся эти слова, она уже знала, что он погиб.

– Да... мистер Джордж...

Казалось, они смотрели друг на друга невероятно долго, и Лия подумала, что могла бы сосчитать сотни стежков.

Наконец она произнесла эти слова. Не как вопрос, как утверждение.

– Он умер.

Миссис Кембл кивнула, ее подбородок задрожал.

– О, моя дорогая, мне очень жаль. Если что-то...

Умер. Йен, ее муж. Его больше нет. Никогда больше она не будет лежать ночью без сна, ожидая возвращения мужа от любовницы. Никогда больше не услышит его шаги, не будет считать стежки, не будет терпеть его мучительные чувственные ласки.

Он умер.

И Лия, которая поклялась больше никогда не плакать из-за него, ухватившись за юбки экономки, сползла на пол и, стоя на коленях, зарыдала.

– Ладья к королеве. Шах.

Себастьян кивнул, продолжая всматриваться в причудливый танец теней от камина на остатках своей белой армии. Он подвинул одинокую пешку вперед.

Его брат тихо выругался про себя и сделал ход слоном, подвинув его к королю Себастьяна.

– Шах и мат. Полное поражение. Черт побери, Себ, ты хотя бы понимаешь, что проигрываешь?

Оторвав взгляд от шахматной доски, Себастьян лениво

приподнял бровь:

– Да. И думаю, ты должен быть счастлив.

Джеймс смахнул с доски шахматные фигуры и начал их расставлять снова.

– Я был бы счастлив, если бы ты выбрал роль повеселее, чем печальный любовник. По крайней мере притворись, что замечаешь мое присутствие. Прошло всего лишь полдня.

Четырнадцать часов, подумал Себастьян, вертя белую королеву в руках.

Драгоценные четырнадцать часов прошли с тех пор, как Анджела уехала в их загородное имение в Гемпшире, но он уже сходил с ума. За три года их брака они провели всего несколько ночей врозь. Даже при том, что их любовная близость стала редкой с тех пор, как она заболела осенью, он все еще не мог отвыкнуть от привычного уклада домашней жизни: сидеть вместе перед камином, наблюдать, как она расчесывает свои волосы, и обсуждать события последних дней. Если ей нездоровилось, то они ограничивались поцелуем на прощание перед ночью и расходились по своим спальням.

Джеймс, прервав построение своего черного войска, сделал паузу и поставил последнюю фигурку на доску.

– Четырнадцать часов... я полагаю, ты даже знаешь, сколько это будет минут и секунд?

Чуть улыбнувшись, Себастьян поставил королеву на отведенный ей квадрат и так и не взглянул на часы на камине. Вместо этого потянулся к конверту, который вытащил из

кармана. Ему не надо было разворачивать письмо, он уже читал эти слова дюжину раз, чтобы запомнить те несколько предложений, что она написала.

Если бы он вздохнул поглубже, то мог бы почувствовать запах ее духов, который шел от листка бумаги, – тот же самый аромат мыла, которое она использовала, принимая ванну.

Лаванда и ваниль.

Воспоминания окутали его, теплые, приятные и волнующие. Прошло много времени с тех пор, как Анджела позволяла ему присутствовать в туалетной комнате, когда принимала ванну, но Себастьян все еще помнил запах лаванды и ванили на ее обнаженном теле и то, как вода переливалась через край, когда она отбивалась от его рук.

Записка задрожала в его руке.

Джеймс сделал первый ход пешкой.

– Я знаю, у тебя есть парламентские обязанности, которые ты должен выполнять, но разве они не поймут, если ты поставишь на первое место здоровье своей жены?

– Они должны понять. – Себастьян сделал ход пешкой. – Я поеду в Гемпшир на неделю, не важно, будет принят законопроект или нет.

Одна неделя. Нет, целая неделя. По сравнению с четырнадцатью часами это казалось настоящим раем.

Ему не терпелось удивить Анджелу. Она ждет, что он придет вместе с их сыном по крайней мере не раньше чем через

две недели. И он, как всегда, привезет ей что-то в подарок, может быть, щенка спаниеля, который составит ей компанию в плохую погоду. Что-то, что могло бы порадовать ее, удержать от меланхолии. Несмотря на то что Себастьян старался как можно чаще навещать Анджелу, временами она казалась такой одинокой.

Ее здоровье так и не улучшилось после рождения Генри, но в последнее время она становилась все более и более замкнутой. Пока они оставались в городе, Анджела продолжала играть роль гостеприимной хозяйки, улыбалась и кокетничала, но он не мог не видеть, что воздух Лондона плохо влияет на нее. Себастьян читал это в ее глазах, когда она смотрела на него. Легкое прикосновение его пальцев заставляло ее вздрагивать, как будто ее кожа была слишком тонкой.

Он не жалел, что позволил ей уехать в Гемпшир. Но будь он проклят, если задержится хоть на неделю, когда она так нуждается в нем.

Взглянув на доску, Себастьян осмотрел ряды своего белого войска, он нес потери при наступлении Джеймса. И решительно двинул королевского слона навстречу ладье брата. В первый раз за этот вечер он почувствовал желание победить.

– Или хотя бы на три дня.

Джеймс посмотрел понимающим взглядом:

– Еще не поздно. Я уверен, еще несколько часов, и ты попросишь заложить карету.

Раскат грома отозвался эхом в сердце Себастьяна. Он улыбнулся.

– Возможно, – пробормотал он и взял в плен коня Джеймса.

Лошадям придется не просто в грозу, но он доберется до имения Райтсли уже к следующему дню. Пройдет не так уж много времени после того, как Анджела прибыла туда, и мысль, что он может увидеть ее так скоро...

И в следующие несколько минут Себастьян последовательно уничтожал войско черных и наконец взял их королевского слона.

– Шах!

Джеймс постучал по столу.

– Я просил тебя обратить внимание на мою персону, но не просил побеждать!

Себастьян откинулся на стуле.

– Давай, делай свой ход.

– Торопишься уехать, да? – спросил Джеймс с ухмылкой.

– Да, сейчас ты берешь мою ладью, а потом я бы мог...

Послышался стук в дверь.

– Войдите, – сказал Себастьян, глядя с торжеством на Джеймса, и, подняв свою королеву, двинул ее вперед к белой ладье.

– Милорд! Для вас срочное сообщение.

Себастьян рассеянно взглянул на дворецкого, но, сообразив, что уже слишком поздно, нахмурившись, спросил:

– От кого?

– Мистер Григзби, милорд. Прошу прощения, я не хотел прерывать вашу игру, но посыльный сказал, что это очень срочно.

– Минуту. – Себастьян снова посмотрел на фигуры. Сделал ход королевой, чтобы поймать в ловушку короля Джеймса. – Все, шах и мат.

– Да, это неожиданно, – пробормотал Джеймс. Затем, указывая на дверь, добавил: – По крайней мере прежде чем уехать, взгляни, что это за таинственное послание.

– Ты слишком щедр для проигравшего, а, Джеймс?

Улыбаясь шутке брата, Себастьян потянулся к сложенному листу пергамента. Дешевая бумага скрипела под его пальцами, на ней были видны следы дождя.

– Мистер Григзби, вы сказали? – спросил он, не поднимая глаз.

– Да, милорд.

– Хммм... – Развернув письмо, Себастьян поднес его к лампе. Он читал медленно, не в состоянии отбросить мысли об Анджеле.

И затем увидел ее имя.

Леди Райтсли...

Он читал снова, и снова, и снова, каждый раз слова отказывались соединиться в нечто вразумительное.

...опознана по гербу... несчастный случай с каретой... кучер ранен, мужчина и женщина погибли... кучер сказал...

леди Райтсли... и мистер Йен Джордж...

Письмо задрожало перед его глазами. Нет, дрожала рука.
Письмо...

Он должен что-то сказать, потому что слышал, как Джеймс обращался к нему.

Анджела погибла. Его красивая, нежная, любимая жена.

И Йен тоже. Его ближайший друг.

Они оба... Погибли. Вместе.

Обрывки мыслей никак не желали соединяться, но затем пришло молчаливое понимание. Себастьян смотрел на письмо и машинально тер чернила, пока они не размазались. Он слышал голос Джеймса:

– Себастьян, что случилось?

Все, о чем он мог думать, было: во всяком случае, она была не одна.

Глава 2

Вы отдаете себе отчет, мистер Джордж, что я замужняя женщина? Один поцелуй не нарушит покой моего сердца... но два смогут сделать это.

Их дружеские отношения, безусловно, определили те долгие совместные прогулки, которые они совершали. Себастьян и Йен. А их первые полночные эскапады, когда они бродили по паркам в Итоне, поджидая в часовне привидение Уилли Фостера? Несколькими годами позже, приезжая на летние каникулы из Кембриджа в поместье Райтсли, они совершали восхождения по крутым склонам меловых холмов, а также прогуливались по парку, где флиртовали с дамами из высшего общества, соревнуясь друг с другом в изощренных ухаживаниях.

Это была идея Йена бродить пьяными по улицам Лондона в ночь перед свадьбой Себастьяна. И, ожидая рождения Генри, именно Йен ходил из угла в угол в его кабинете.

Может быть, поэтому Себастьян чувствовал себя так плохо рядом с гробом Йена. Человек, с которым он совершал все те прогулки и кому полностью доверял, который был ему ближе, чем родной брат... Но сейчас этот человек, лежащий неподвижно внутри полированного дубового ящика, украшенного серебром, не значил для него ничего. Это был труп

незнакомца с именем друга. И все.

Расстояние от церкви до могилы было коротким. Все могло произойти еще быстрее, если бы не толпа провожающих. Многие люди искренне любили Йена, и на кладбище царила атмосфера безутешного горя: сдерживаемые рыдания, стоны и вздохи, слезы, которые остались бы незамеченными, если бы не всхлипывания и сморкания.

Себастьян не плакал на похоронах Анджелы, но держался лишь до того момента, как он вошел в свою спальню. А проливать слезы по Йену он не станет – ни сейчас, ни потом.

Когда процессия приблизилась к могиле, комья тяжелой влажной земли посыпались в яму. Хотя могила была приготовлена накануне, намокшая под утренним дождем земля осыпалась под ногами скорбящих.

Могильщики с привычной ловкостью взялись за дело, и Себастьян стоял рядом с другими, наблюдая, как гроб опускают в могилу. Последний путь подходит к концу.

Себастьян вздрогнул, услышав глухой звук падающей на гроб земли. На какую-то секунду ему в голову пришла безумная противоречивая мысль: вырвать лопату из рук могильщика и самому похоронить Йена.

Как он посмел любить ее? Как посмел стать тем человеком, который последним видел лицо Анджелы и даже умер вместе с ней? Она должна была стареть рядом с ним, Себастьяном, ее красота должна была увядать, скрытая вуалью доброты и щедрости, которые всегда отличали ее. У них еще

были бы дети и потом непременно внуки. Ее болезнь...

Да, ее проклятая болезнь.

Себастьян вздрогнул, услышав рядом рыдания.

Господи, как же легко было обмануть его!

Минуты шли, могилу почти полностью засыпали землей.

Голоса стали более различимыми. Черная масса крепа и бомбазина, собранная вместе, являла собой безобразное свидетельство боли и горя, и все это под ясным, безоблачным небом.

Гнев в душе Себастьяна нарастал. И когда на могилу был брошен последний ком земли, он мысленно спросил себя, можно ли быть большим глупцом, чем он. Настолько наивным и доверчивым, чтобы не заметить их предательства и даже сейчас, уже зная правду, желать одного – вернуть Йена и Анджелу обратно...

Будучи хозяйкой дома, Лия согласно обычаю не присутствовала на похоронах на кладбище около Реннелл-Хауса. Вместо этого она провела весь день с матерью Йена, утешала ее, как могла, и оставила только тогда, когда виконтесса напомнила о другой задаче, тоже требовавшей внимания.

В отличие от Лии, слезы которой успели высохнуть после той ночи, когда она узнала о происшествии с каретой, горе леди Реннелл было безутешным. Бессчетное количество носовых платков и чашек чаю не могло успокоить ее, и в ушах Лии звенело от рыданий даже после того, как поздно вече-

ром виконт проводил свою жену в спальню.

На следующее утро Лия встала с постели, когда первые лучи солнца окрасили бордовые шторы в розовато-лиловый цвет. Она подошла к окну и присела на кушетку, ожидая, что ее скоро позовут к виконтессе. Но прошел час, а горничная так и не появилась, чтобы разбудить ее и помочь одеться, и тогда Лия поняла, что ей предстоит провести этот день наедине со своим горем.

Если бы только они знали, как она страдала из-за Йена год назад, застав его с леди Райтсли. Хотя, потрясенная его смертью, она проплакала всю ночь, ее сердце было разбито гораздо раньше. Даже при большом желании она сомневалась, что сможет заставить себя вновь пролить слезы.

Ветвь ясеня за окном упиралась прямо в раму. Лия наблюдала, как маленький коричневый крапивник, радостно чирикавая, прыгал по ветке вверх и вниз. Никакого траура, никакой мысли заглушить свое щебетание в память о погибших. И хотя она была одна и никто не мог видеть ее, она все равно ощущала стыд за свою улыбку, которую не могла сдержать, наблюдая забавное поведение птички. И чувствовала вину от того, что радуется жизни, тогда как при подобных обстоятельствах женщине ее воспитания, вдове, следовало пребывать в печали. По крайней мере это то, что следовало делать настоящей вдове.

Как хорошо, что она могла оставаться в спальне все утро, что не нужно было соответствовать чьим-то ожиданиям.

Здесь ей не нужно надевать вуаль, скрывая тот факт, что ее глаза, увы, не покраснели от слез, а лицо не осунулось и не побледнело. Не нужно помнить, что следует говорить тихо, чтобы другие могли подумать, что она с трудом сдерживает слезы.

Комната была удобной клеткой, но крапивник улетел, а Лия устала от бессмысленного хождения из угла в угол. И хотя ей было нужно предстать перед глазами всех обитателей Реннелл-Хауса и выдержать их сочувствующие взгляды, она вздохнула и позвонила, вызывая горничную, которая помогла бы ей одеться.

Через пять минут Лия, закутанная в черный креп, вышла из спальни для гостей. Настоящий траур, как и положено вдове.

– Простите, что беспокою вас, миссис Джордж, но пришел джентльмен, который хочет поговорить с вами, – обратился к ней лакей.

Лия удивленно уставилась на лакея через тонкую дымку черной вуали. Это по меньшей мере странно, что кто-то пожаловал с визитом, и не в ее дом, а сюда, сразу после смерти Йена. И не просто оставил карточку со словами соболезнования, но выразил желание поговорить с ней.

– Кто это? – тихо спросила она, опуская глаза на аккуратную темно-синюю дорожку на полу коридора.

– Граф Райтсли, мадам. Он ждет в гостиной уже два часа и просит передать свои извинения, но дело не терпит отла-

гательств, и он...

– Да, конечно. – Кивнув, Лия направилась в гостиную. Если честно, она была удивлена тем, что лорд Райтсли ждал так долго, чтобы повидать ее. Каждый день после смерти Йена она ожидала его визита или письма... Не только потому, что он был близким другом Йена, но и потому, что он должен был знать правду об отношениях Йена и графини Райтсли, его жены.

Господи, упокой их души.

Лия заставила себя разжать кулаки и, вздохнув, вошла в гостиную. Как и везде в доме, здесь все напоминало о смерти: опущенные жалюзи, полумрак, зеркала, завешанные черной тканью. Граф сидел на софе, его взгляд был устремлен на противоположную стену, чай на подносе оставался нетронутым.

Вот он, образец настоящей скорби, подумала Лия, глядя на графа. Хотя от двери был виден лишь его профиль, печать горя лежала на его лице. Брови нахмурены, губы сжаты, бледность кожи контрастирует с темно-каштановым оттенком волос. Он скорбит о них обоих? – удивилась Лия.

Когда она заметила черную ленту на шляпе, которую он отложил в сторону, граф, видимо, почувствовав ее присутствие, резко повернулся, немедленно встал и поклонился.

– Простите меня, миссис Джордж. Я не заметил, как вы вошли.

Она улыбнулась. Его извинение было преисполнено дели-

катности, выражение лица изменилось, приобретя оттенок мягкости, но его упрек не мог быть яснее: как она посмела изучать его, предварительно не обнаружив свое присутствие?

– Лорд Райтсли, – ответила Лия с поклоном. Без Йена, который был точкой их соприкосновения, они казались почти чужими друг другу. – Вы хотели поговорить со мной?

– Да, хотел... – Он нахмурился, когда его взгляд остановился на ее вуали.

Лия опустила глаза, понимая, что ее голос звучит чересчур обычно.

– Во-первых, я хотел бы принести свои соболезнования по поводу вашей утраты.

– Как и я, граф, по поводу вашей... – ответила она, наблюдая, как он печально склонил голову.

О, как великолепно они играли свои роли! Возможно, это был обычный обмен формальностями, или Райтсли ухватился за этот шанс не говорить той горькой правды, которую они оба так хорошо знали, но Лия внезапно поняла, что у нее нет никакого желания продолжать эту игру. Особенно после того, как провела последний год, играя роль верной, образцовой и преданной жены, притворяясь перед каждым, что все хорошо. И хотя она была в трауре, ему не следовало играть с ней в эти игры. Они провели много времени друг у друга в гостях и вполне могли обойтись без формальностей, принятых в обществе.

– Какая ужасная трагедия, не правда ли? – сказала она.

– О да. – Он напряженно покусывал нижнюю губу, но сделал вид, что не слышит иронии в ее тоне, и указал на софу:

– Может быть, нам лучше присесть?

Лия смотрела на него. Он вел себя так, как будто ее необходимо утешить, приготовить для шокирующих новостей. Неужели он и вправду думает, что должен сообщить ей о неверности мужа?

– Миссис Джордж, вы не хотите присесть? Может быть, я попрошу, чтобы принесли чаю?

Она покачала головой:

– Не надо, спасибо, – и прошла вперед, обойдя его, чтобы сесть на софу. Затем подождала, пока он уселся в кресло напротив.

Райтсли долго молчал, только поглаживал кисти рук, затянутые в черные перчатки. Когда он наконец снова посмотрел на нее, видимо, готовый начать разговор, Лия жестом остановила его:

– Пожалуйста, милорд, отбросим эти формальности. Как я понимаю, мы оба знаем об истинном характере отношений между Йеном и леди Райтсли.

Лорд резко выдохнул:

– Это было необдуманно с их стороны – умереть вот так, не правда ли?

– Я согласна. Это было очень необдуманно. – Ирония. Однако забавно. Как давно она ни в чем не находила ничего за-

бавного. И как грустно, что сейчас поводом к этому послу-
жили ее погибший муж и его любовница!

Очевидно, на этот раз лорд Райтсли не смог игнорировать иронию в ее голосе. Тончайшая вуаль не спасала от его пристального взгляда. Лия подняла голову и улыбнулась.

На его скулах заиграли желваки.

– Вы только сейчас так относитесь к мужу или и раньше знали об их романе?

– Я думаю, он начался через четыре месяца после нашей свадьбы, хотя я узнала о нем гораздо позже. – И хотя она могла проклинать его, кричать на него, она не находила в себе сил, чтобы ненавидеть его. Проще было уйти в себя, отгородиться от Йена, семьи и всего общества.

– Четыре месяца спустя... Их роман длился целый год? – Райтсли вскочил на ноги и начал ходить из угла в угол, ероша волосы. Он резко остановился в другом конце гостиной, спиной к ней, и уставился на закрытые жалюзи окна.

Лия наблюдала за ним, сидя на софе. Нельзя сказать, чтобы у нее не было сочувствия – одному Богу известно, что она испытала, узнав правду. Но, долгое время сдерживая свои чувства, сейчас Лия почему-то ощущала смущение, наблюдая взрыв эмоций, которые граф даже не пытался скрыть.

Райтсли тем временем прислонился к стене, опустил голову, будто от усталости больше не мог устоять на ногах.

Лия отвернулась и вновь взглянула на него спустя несколько секунд. Может быть, она допустила ошибку, рас-

сказав ему? Вовлекая его в секретный мир, который она не делила ни с кем? Сейчас, видя, как дрожат его плечи, она ощутила, как рана, которая едва затянулась, вновь открылась и закровоточила.

Она поднялась с софы, тщательнее прикрыв лицо вуалью.

– Пожалуйста, извините меня, милорд, я должна идти...

– Нет. – Он повернулся так быстро, что она успела заметить в его глазах не только боль, но и гнев. – Вы не уйдете.

Она инстинктивно выпрямила спину.

– Милорд?

Райтсли встал перед ней.

– Вы должны рассказать мне. Когда вы узнали о том, что происходит между ними? Я имею право знать.

– Да? И что же я должна рассказать? Извините, лорд Райтсли, но ваша жена, кажется, имела особое пристрастие к пенису моего мужа. Вы ничего не имели против ее возвращения в вашу постель?

Он замер, глядя на нее.

Лия заморгала. Господи! Она сказала слово «пенис».

Каждая жилка в ее теле дрожала от унижения, а горло перехватило от желания извиниться, но нет, она крепко сжала губы. Удовольствие от этого маленького вызова удивило ее, и глаза Райтсли сузились, когда Лия подняла подбородок. Прошло много времени, а они все стояли, глядя друг на друга. Ей хотелось сказать это снова, только чтобы увидеть его реакцию.

Пенис.

Лия смаковала это слово в уме. Она никогда не произносила его вслух, оно было слишком грубым для леди и не входило в ее лексикон.

– Я думаю, мы оба должны признать, что Йен соблазнил ее, – наконец произнес Райтсли.

– Конечно, – ответила она, расстроенная непривлекательным контрастом между красотой его зеленых глаз и редкими ресницами, обрамляющими их. Хотя все в ней все еще восставало против графини, на какой-то момент Лия поняла, как просто Анджела могла нарушить супружеские клятвы. По сравнению с блестящим шармом Йена граф напоминал скалу – сплошь острые углы. Правда, надо отдать должное зеленому цвету его глаз, контрастирующих с его заурядной внешностью.

– Вам следовало рассказать мне раньше. Но несмотря на все это, я пришел попросить вас кое о чем.

– Да?

Он повернулся, чтобы взять свою шляпу.

– Все верят, что Анджела и Йен ехали в Гемпшир, потому что она была больна.

– Я слышала эту историю. Что ж, хорошо придумано, милорд. Ваш дорогой друг сопровождал вашу жену, так как вы не могли сделать это сами. И как удобно, не правда ли? Так как Йен планировал посетить наш собственный дом в Уилтшире после того, как доставит домой графиню? – Лия сде-

лала паузу, чтобы проглотить ставший в горле ком. И мягко добавила: – Вы, видимо, очень любили леди Райтсли, если даже сейчас заботитесь о ее репутации?

Райтсли мямлил черную ленту на своей шляпе.

– Я буду весьма признателен, если бы вы согласились сыграть свою роль в этой истории. Например, почему поехал Йен, а не вы? Почему вы не могли проводить Анджелу вместо Йена?

– Помешала головная боль, разумеется, – усмехнулась Лия. – Не беспокойтесь, милорд. Я уже так долго храню эту тайну, что... И у меня нет никакого желания разглашать вашу.

Он встретил ее взгляд.

– И все же я прошу, чтобы вы дали мне слово.

Лия улыбнулась:

– Вы мне не верите?

– Пожалуйста...

– Что ж... хорошо. Я обещаю. Если кто-то спросит меня о деталях того дня, я не стану противоречить вам. И сделаю все, чтобы и мои слуги верили в эту версию.

– Спасибо, миссис Джордж.

– Пожалуйста, милорд.

Она первая направилась к выходу, и лорд Райтсли поклонился. Лия ответила ему легким поклоном. Он надел шляпу, кивнул и остановился в дверях, чтобы сказать:

– Между прочим, миссис Джордж, я посоветовал бы вам

носить вдовый чепец. Снимите вуаль, она все равно ничего не может скрыть.

И, снова поклонившись, он повернулся и вышел из гостиной.

Глава 3

Я должна признаться, что никогда не думала о музыкальном салоне леди Уоддингтон в этом смысле.

Два месяца спустя Лия проклинала графа Райтсли за совет, а себя за то, что последовала ему. Прятать правду от матери было куда проще под защитой вуали, хотя носить вуаль дома было не принято.

Кружевная оборка вдовьего чепца падала ей на щеки, и Лия изо всех сил старалась казаться печальной, но вместе с тем и доброжелательной, пока наливала чай для матери и своей сестры Беатрис. Вернувшись в Лондон три дня назад, она со страхом ждала их визита. Лия понимала, что ее матери хотелось бы увидеть ее убитой горем, но та слишком долго прожила вдали от общества, поэтому исполнить роль безутешной вдовы было особенно тяжело.

Лия поставила чашку на поднос, и та зазвенела, нарушив тишину, воцарившуюся в комнате, после того как гости заняли свои места. Звук показался Лии слишком громким, ее сердце замерло, а нервы напряглись. И она сделала то, что делала всю свою жизнь, – терпеливо ждала, когда заговорит мать.

Аделаида Хартуэлл вздохнула и, прервав осмотр комнаты, остановила свой взгляд на Лие.

– Я признаю, это очень щедро со стороны виконта – позволить тебе продолжать пользоваться Линли-Парком и их городским домом, но ты должна знать, мы предпочли бы, чтобы ты жила с нами. Я беспокоюсь о тебе, моя милая, волнуюсь, что у тебя не осталось ничего, кроме воспоминаний о нем. По крайней мере если бы ты вернулась к нам, я была бы спокойна, зная, что ты питаешься, как полагается. Я знаю, траур влияет на аппетит, но... – Она безнадежно махнула рукой на блюдо с печеньем и бисквитами, к которому Лия уже успела притронуться.

Ах вот в чем дело. Первый укол, искусно замаскированный под материнскую заботу. И все это так старо. Аделаида и Беатрис Хартуэлл представляли совершенный образец английской красоты – в меру округлые грудь и бедра, приятный овал лица. По сравнению с ними Лия казалась странной. Слишком худая. Слишком резкие черты. Слишком угловатая. Слишком...

Опустив ресницы, Лия насыпала сахар в каждую чашку.

– После похорон, мама, мне кажется, я даже прибавила в весе...

Аделаида взяла чашку из рук дочери и слегка поморщилась.

– Так нужно, милая. Ты всегда была слишком хрупкой. Но я боюсь, этого недостаточно, дорогая. Ты выглядишь как изголодавшаяся ворона во всем этом черном крепе. Съешь бисквит. Один, за мое здоровье.

Лия взглянула на Беатрис, ища присущего ей сочувствия и понимания. Ей семнадцать, она на три года младше, и, несмотря на внешнее сходство с матерью, она, как и Лия, настороженно относилась к инструкциям родителей. Но Беатрис не взглянула на нее, вместо этого, опустив глаза, пригубила чай. И Лия подумала: с того момента, как они вошли в гостиную, Беатрис не сказала ни слова. Она посмотрела на мать, затем снова на сестру. Ну да, конечно. Беатрис провела два месяца в Лондоне с Аделаидой, пока Лия, пребывая в трауре, не появлялась в обществе. Она, должно быть, рада, что Лия хотя бы на час стала мишенью для критики матери, тем самым отвела удар от нее. Если бы только на час.

– Лия.

Ей даже не требовалось смотреть на мать, чтобы по ее предупреждающему тону понять, что та прищурилась, а прекрасной формы губы недовольно искривились.

Словно удар в спину, голос матери заставил Лию потянуться к тарелке с бисквитом, ее рука машинально вытянулась. Это был послушный жест от исполнительной дочери, и хотя она была сейчас измучена и скептически относилась к своему замужеству, она все равно, кажется, оставалась послушной.

В поместье, принадлежавшем семье Йена, где она уединилась после посещения его родителей, Лия постепенно привыкла прислушиваться только к своим желаниям. Ей даже не нужно было соблюдать правила траура, учитывая неболь-

шой штат прислуги, которая вообще умудрялась быть невидимой.

Она проводила дни так, как хотела, следуя каждому своему желанию. Ела то, что хотела, и не было необходимости планировать меню, чтобы угодить вкусу Йена, или вообще теряться в догадках, появится ли он к обеду или ужину. Она могла взять книгу, свернуться калачиком на кушетке у окна и пролежать так весь день или отправиться на бесцельную прогулку по холмам. Посещение светских мероприятий требовало ее участия в беседах, она должна была улыбаться и соглашаться, что она самая счастливая женщина на свете, еще бы, ведь она жена Йена Джорджа. А теперь, живя в Линли-Парке, она улыбалась только тогда, когда хотела этого. Она могла хмуриться или смеяться, злиться или дуться, но не было никого, чьи бы ожидания она должна была оправдывать.

И вечерами – предвкушение предстоящей ночи. Радость свободы и от балдахина в лондонском доме, и от густого, приторного запаха другой женщины, который приносил с собой Йен. Вместо этого здесь над головой Лии сияли звезды, невинный аромат маргариток разливался в ночном воздухе. Много ночей она провела, сидя в саду, накинув шаль на плечи, иногда позволяя весеннему дождю омыwać лицо. Впервые за всю свою жизнь она наконец-то познала искусство быть счастливой.

К несчастью, сейчас, когда она вернулась в Лондон и снова

стала предметом нападков со стороны матери, Лия поняла, что человека, однажды познавшего вкус власти и эгоизма, невозможно заставить отказаться от этой привычки.

Улыбнувшись уголками губ – ведь она все еще в трауре, – Лия отдернула руку от бисквита и выпрямилась.

– Нет, спасибо. Я не голодна.

Подняв глаза от чашки, Беатрис удивленно взглянула на сестру и беспокойно поморщилась.

Аделаида подняла бровь и потянулась за очередной ложкой сахара.

– Ты решила выбрать креп для своего траурного платья? Когда твой дедушка умер, я предпочитала носить бомбазин.

– У меня есть платья и из бомбазина.

Аделаида положила ложку и поднесла чашку к губам.

– Ясно. – Она сделала глоток. – Должна сказать, что этот креп ужасно мнется.

Лия глубоко вздохнула, отчаянно желая снова оказаться под звездами.

– И поэтому, мама, ты просишь меня вернуться в Лондон?

– Почему – я писала тебе в письмах, милая. Я скучаю по тебе и беспокоюсь за тебя. Теперь, когда ты овдовела, рядом с тобой нет никого, кто мог бы заботиться о тебе, направлял бы тебя...

– Как ты знаешь, виконт Реннелл предложил мне ежегодное содержание и позволил пользоваться и городским домом, и Линли-Парком столько, сколько я захочу. Он всегда

очень любил меня.

– Да, но я уверена, он не намерен придерживаться этого решения бесконечно. Он должен понимать, что ты можешь снова выйти замуж или... – Взгляд Аделаиды остановился на животе дочери.

Лия проглотила комок в горле, ее рука невольно легла на живот, чуть ниже талии. Взглянув на Беатрис, она кашлянула, прочищая горло.

– Это возможно, но я не уверена. – Обычные недомогания проходили без сбоев, но протекали слишком коротко. И поэтому она замерла в ожидании в последние два месяца. Она приехала в Лондон по приглашению матери, но еще и потому, что лорд Реннелл организовал для нее встречу с доктором.

Завтра. Завтра она будет знать, не беременна ли она. И поймет, для чего были все те ночи и ожидание Йена в ее постели, чем вознаградилось ее терпение в его объятиях.

– Наследник, – вздохнула Аделаида.

Ребенок, мысленно поправила Лия. Ее дитя, любимое и обожаемое.

– Но есть и другая причина, почему ты должна вернуться в наш дом, – продолжала мать. – Ты не можешь жить одна. Ты слишком молода и ранима. Йен защищал тебя и заботился о тебе, но его больше нет. Без мужа ты...

– Нет, – прервала ее Лия тихим дрожащим голосом, ненавидя себя за то, что все еще старается угодить матери – быть

покорной и благоразумной маленькой мышкой. – Мне не нужен муж. Более того, я считаю, что мне куда лучше без него. И прошу прощения, но мне также не нужно, чтобы моя мать диктовала каждый мой шаг, говорила мне, что я должна есть, когда спать и какие платья носить. – Пронзительный вызов последних слов повис в воздухе, и эхо ее гнева было громким и дерзким.

Аделаида молча смотрела на нее, глаза Беатрис расширились от ужаса. Лия чувствовала прилив удовлетворения, хотя ее голова дрожала, шпильки чепца впились в кожу. Она встретила взгляд матери. Когда она заговорила снова, ее убежденность не требовала повышенного тона, а голос был спокойный и холодный.

– Может быть, мне всего двадцать лет, но я не ребенок и не наивная дурочка. Я вдова, мама, замужество научило меня многому, теперь я знаю, что в состоянии управлять своей собственной жизнью.

Лия ждала, тишина стояла такая, что ее дыхание вырывалось из груди почти как в агонии. Прошла минута-другая, и лицо Аделаиды приобрело выражение безмятежности. Медленно поставив чашку на блюдце, она поднялась.

– Пойдем, Беатрис. Твой отец беспокоится, почему нас нет так долго.

Она повернулась к двери, ее спина оставалась такой же прямой, как несколько лет назад. Беатрис молча последовала за ней.

Сжав губы, Лия следила за их уходом. Минуты прошли, она услышала их шаги внизу в холле и ждала, когда услышит звук отъезжающей кареты.

Она была уверена, что мать ждет, не бросится ли она за ними, умоляя о прощении.

Послышался стук копыт по булыжной мостовой. Лия сняла с головы вдовий чепец.

Она провела почти два года как послушная, образцовая жена и оставалась ею, даже узнав о неверности Йена. Теперь пришло время прекратить играть роль послушной, образцовой дочери.

На следующий день доктор виконта Реннелла дал ей ответ: нет, она не беременна. Ребенка не будет.

И всю последующую неделю, а может быть, даже больше Лия без труда чувствовала себя безутешной вдовой.

Себастьян постучал и отступил на шаг. Странное чувство – прийти с визитом в дом Йена, зная, что не найдет его там. Он был не менее удивлен, получив от Лии Джордж сообщение с просьбой о встрече, но все же пришел, с неохотой покинув собственный дом.

Прошло три месяца после смерти Анджелы, но Генри по-прежнему спрашивал о ней. Себастьян предоставил няне мальчика сообщить ему о смерти Анджелы, но Генри, по-видимому, не понял. Он надеялся, что ребенок полутора лет

сразу забудет мать, но когда Себастьян входил в детскую, Генри всегда бросал игрушки и, улыбаясь, заглядывал за его спину в поисках матери.

Себастьян вздрогнул, когда слуга широко распахнул входную дверь и пригласил его войти. Протянув визитку, он сказал:

– Я думаю, миссис Джордж ждет меня.

Слуга поклонился:

– Конечно, милорд. Прошу вас, следуйте за мной.

Вместо того чтобы проводить его в одну из гостиных, как ожидал Себастьян, слуга провел его вверх по лестнице на второй этаж, прямо к апартаментам хозяев. Когда они остановились на лестничной площадке, Себастьян услышал голос Лии, сильный и чистый и такой не похожий на мягкий, приглушенный голос Анджелы.

– Это на благотворительность. Нет-нет, не полосатый, пусть сначала оценит дворецкий. И эту шляпу с красной лентой. Боже мой, зачем одному человеку столько шляп?

Слуга остановился, прежде чем войти в спальню хозяина.

– Граф Райтсли, мадам.

В комнате мгновенно воцарилась тишина, и Себастьян подумал, что она забыла о приглашении. И затем услышал:

– О, конечно. Пожалуйста, входите, милорд. Минутку...

Остановившись на пороге, Себастьян заглянул внутрь. Видимо, эта комната когда-то была спальней, но сейчас скорее напоминала большую гардеробную. Жилеты, сюртуки,

гора шляп, брюки – все разновидности мужской одежды были разложены отдельно в зависимости от своего назначения, что-то лежало на постели, что-то на стульях перед камином, а многое просто на полу. Пока он наблюдал, короткая вереница горничных и слуг вышла из гостиной, причем каждый держал в руках охапку одежды. Они сваливали ее в ногах постели – единственном незанятом месте в комнате.

Миссис Джордж подошла к концу кровати, она держала в руках высокую пирамиду из шляпных коробок и, чуть склонив голову набок, смотрела под ноги. Бросив коробки в центр новой кучи, она оглянулась и, отряхнув руки от пыли, присела в поклоне:

– Милорд.

Зачем он посоветовал ей отказаться от вуали? Ее глаза блестели, Боже мой, даже сияли, а на щеках горел румянец, губы изогнулись, их уголки привычно приподнялись.

Себастьян предпочел бы слезы. Поток слез.

– Вы больше не носите вдовий чепец? – спросил он.

Она поморщилась.

– Ну разумеется, вы не могли не сказать этого. Я решила, что это не обязательно. Я ношу траур и думаю, платья достаточно, а вдовий чепец только бы заставлял меня чувствовать себя лошадью в шорах. Более того, я у себя дома и никто, кроме слуг, не видит меня. И кроме вас. – Она замолчала, уголки ее губ вновь приподнялись в забавной гримасе. – Надеюсь, я не оскорбила ваши чувства, милорд?

Конечно, она не была искренней. Ничто в ее внешности или тоне не могло убедить его, что его мнение хоть что-то значило для нее.

Просто она была чертовски счастлива. Нечто новое за эти три печальных месяца. Его слуги, брат, другие лорды в парламенте – каждый ходил вокруг него на цыпочках, осторожно, стараясь не говорить громко и не смеяться в его присутствии. Только Генри смел улыбаться ему, его детская невинность защищала Себастьяна от отчаяния, которое поселилось в их доме и во всех его обитателях.

Но Лия Джордж не была ребенком, которому далеко не все следует знать. И даже если она раньше знала о романе своего мужа, даже если она презирала Йена за это, ей следовало по крайней мере печалиться. Если не из-за его смерти, то хотя бы из-за того, что он предал ее. Печалиться по поводу той неожиданной перемены, которая случилась в ее жизни. Из-за того, что теперь она не могла носить что-то иное, кроме черного, как не могла посещать из-за траура балы, приемы и музыкальные вечера. Господи, хотя бы потому, что долго не сможет улыбнуться на людях.

– Я вижу, вы наводите порядок? – спросил Себастьян, выразительно приподняв бровь и игнорируя ее вопрос.

Никто из его слуг не смел зайти в комнату Анджелы, и даже он сам еще ни разу не отважился зайти туда. Искушение посидеть там, впитывая ее запах, притворяясь, что она скоро войдет, как будто ничего не случилось, было слишком

сильным. Таким же сильным, как искушение разрушить все и сжечь все воспоминания.

Ясно, что Лия не испытывала подобных чувств.

Она проследила за его взглядом.

– Готовлюсь к возвращению в Линли-Парк. А вещи... –

Она пожала плечами. – Что-то для слуг, что-то на благотворительность. Я думаю, это куда лучше, чем кормить моль и крыс. Но пойдёмте, – сказала она, направляясь к двери. – Я знаю, вам не терпится узнать, зачем я вас пригласила.

Себастьян молча прошёл за ней через смежную дверь, ведущую в другую спальню – её спальню, судя по всему. Кроме большой кровати под балдахином в темно-синих тонах, которая занимала центр комнаты, обстановка была абсолютно женская. Но здесь не было ни роз, ни кремовых ангелов, лишь изящное сочетание желтого и светло-синего. Комфорт вместо чувственности, мебель скорее практичная, нежели роскошная, и Себастьян, как только вошёл, почувствовал себя неловко. Это было нечто интимное, свидетельство её личной жизни, о чем он не хотел знать.

Он посмотрел на Лию, которая уже склонилась над грудой вещей в дальнем конце комнаты. Слуги не входили сюда, только их голоса раздавались в соседней комнате, не давая Себастьяну и Лие оказаться в полном одиночестве.

Оглянувшись, Себастьян подошел ближе, пока не убедился, что она хорошо его слышит.

– Черт побери, но мы ведь заключили соглашение?

Она резко подняла голову, прищурилась и смерила его взглядом, затем вернулась к своим поискам.

– Я помню и никому не открыла правду.

– Нет? Может, вы думаете, что ваши слуги слепы и глухи? Что они не понимают, как вы странно счастливы спустя всего три месяца после смерти мужа? Будь я проклят, вы можете не носить вдовий чепец, говорить и вести себя как угодно, когда вы одна, – в конце концов, это ваше дело, но перед другими будьте добры соблюдать приличия! Если же нет...

– Достаточно, милорд. – Она прервала его, не поднимая глаз. – Я поняла, что вы хотите сказать.

– ...если нет, – продолжал он, как будто не слыша ее, – люди начнут интересоваться, почему вы не соблюдаете траур по умершему мужу, и постараются докопаться до истины. Не потребуется много времени, чтобы кто-то узнал правду, учитывая обстоятельства их смерти и...

– Милорд, – поднимаясь, воскликнула она, – вы всегда столь категоричны?

Когда она повернулась, Себастьян закрыл рот, ненавидя то, что все в Лие заставляет его вспоминать Анджелу. Нет, они не были похожи, напротив, контраст был впечатляющий: ее голос, ее вид и теперь, когда их разделяла пара шагов, ее запах, скорее не теплый, как комбинация ванили и лаванды, а легкий намек на запах морской воды...

Он прикусил губу, затем проговорил, четко чеканя слова:

– Только по отношению к тем, кто ведет себя столь без-

рассудно и упрямо.

Себастьяну следовало испытывать чувство раскаяния, он никогда раньше не говорил с женщиной без уважения и никогда не ругался. Но он не ощущал никакой вины. Стоя перед вдовой Йена, этой женщиной, которая напомнила Себастьяну о его потере, он не ощущал ничего, кроме страха, раздражения и желания уйти.

Затем Лия рассмеялась, и это тоже ужасно разозлило его.

– Вы думаете, я упрямая?

– Да.

– И безрассудная?

Он колебался, ее улыбка стала еще шире после его ответа. А он вовсе не хотел делать ничего, что сделало бы ее еще счастливее. Даже отказался забрать назад слова. Медленно беспокойно кивнул.

Солнце могло потускнеть от той радости, которая отразилась на лице Лии.

Себастьян нахмурился:

– Вы ужасно упрямая.

– О, послушайте, лорд Райтсли, – сказала она, опускаясь на колени, – вы не думаете, что безрассудство и упрямство лучше, чем послушание?

– Безрассудство часто приводит к дурным последствиям.

Она взглянула на него из-под густых ресниц. Если бы так сделала Анджела, это было бы соблазнительно. Лия Джордж тем не менее демонстрировала лишь нетерпимость и хит-

рость.

Себастьян безмолвно выругался.

– Как я уже сказал, мне не важно, что вы делаете у себя дома, но на людях вы должны придерживаться правил, чтобы правда не всплыла наружу.

– Я уже обещала не раскрывать ваш секрет. – Наконец она вытащила из кучи вещей небольшую книгу в кожаном переплете. – Тем не менее любопытно, как нужно вести себя дома, чтобы это можно было назвать безрассудством? Вышивать вверх ногами? Читать Библию в ванной? Что вы подразумеваете под безрассудством?

– Вы спрашиваете серьезно или просто хотите поддержать разговор?

И снова эта убийственная улыбка.

– Это вам, милорд, – сказала она и протянула ему толстую тетрадь в кожаном переплете.

Он осторожно взял ее.

– Это Йена?

– Я прочитала всего несколько страниц, но, кажется, это дневник, который он вел, когда был юношей. Хотя я сомневалась, следует ли мне передать его вам, думаю, вы единственный, кто может решить, хотите ли вы иметь что-то из его вещей или нет. Он упоминает здесь о вас.

Себастьян растерянно смотрел на кожаную обложку дневника: цвет потускнел, края страниц кое-где были порваны.

– И еще здесь булавка из Итона. Несколько газетных выре-

зок о законопроектах, которые вы поддержали в парламенте. Какой-то странный камень, хотя, честно говоря, я не знаю, нужен ли он вам.

Невзрачный серый камень, коричневый по краям, лежал на ее ладони, затянутой в черную перчатку.

Это была глупая выходка. Они были пьяны и бродили по аллеям Кембриджа, празднуя окончание университета. Остановились помочиться у стены, и когда закончили, Йен споткнулся о камень. Качаясь взад и вперед и хватаясь руками за воздух, он все-таки устоял, а потом поднял этот камень. «Мой надгробный камень», как он назвал его, и оба подумали, до чего же уморительно это легкомысленное, бездумное пьянство.

Себастьян покачал головой:

– Нет. Он мне не нужен. Я не хочу ничего из его вещей. – Глядя на дневник в ее руках, он отвернулся. Черт побери! Он не хотел воспоминаний, которые жгли и будоражили. – Вас это забавляет? Вы действительно верили, что я захочу...

– Милорд, – тихо прервала его Лия и кивнула в сторону открытой двери, где слуги сортировали вещи и одежду Йена, – потише, пожалуйста... Вы были его лучшим другом, и я думала по крайней мере спросить вас, прежде чем...

– Это все, что вы хотели мне сказать? – поинтересовался он, на этот раз его голос был низким и сдержанным. – И из-за этого вы послали за мной?

Лия встала и расправила юбки. С минуту она разглядыва-

ла Себастьяна, покусывая нижнюю губу. Наконец ее улыбка исчезла.

– Миссис Джордж? – снова спросил он.

– Нет, – ответила она, – есть еще кое-что.

Лия подошла к маленькому письменному столу и открыла один из ящиков. Она вернулась к Себастьяну медленным шагом, почти спокойно. Когда она наконец остановилась перед ним, то отвела глаза.

– Это я нашла в его спальне. И подумала, может, вы захотите забрать... их?

Себастьян вздрогнул, когда Лия протянула ему пакет писем, перевязанный розовой атласной лентой. Сладкий аромат лаванды и ванили наполнил воздух. С пакета свисал, раскачиваясь, золотой медальон, украшенный бриллиантами.

– Ее портрет, – прошептала Лия.

Дыхание давалось с трудом, каждый вздох требовал усилий. Себастьян был потрясен. Письма.

– Вы читали их?

Она покачала головой.

– Почему нет?

– Она была вашей женой. Сначала прочитать их должны вы, так как леди Райтсли писала...

Себастьян резко взмахнул рукой, и письма рассыпались по полу.

– Сожгите их, – сказал Себастьян и вышел.

Глава 4

Приезжай ко мне. Себастьян уехал на бал, а я сказалась больной. Мэри откроет для тебя окно кабинета.

Лия встала на колени и собрала письма, разбросанные на полу. Она завидовала способности Райтсли уйти, не прочитав ни строчки. Если бы она тоже так могла! Как только она обнаружила письма, спрятанные вместе с карманными часами Йена и булавками для галстука, они манили, искушали, хотя она понимала, что содержание может снова разбить ее сердце.

Лия присела на край постели, сжимая письма в руке. Всего их было одиннадцать. Лия пересчитывала их снова и снова, убеждая себя, почему не стоит их читать.

Йен и Анджела умерли, роман закончился. И больше не будет тех страшных ночей, когда она, лежа в постели, прислушивалась, не поднимается ли он по лестнице. Не нужно будет пытаться выкинуть из головы все мучительные мысли, когда он будет заниматься с ней любовью, не будет больше и тех недель напряженного молчания, когда они ждали, придет ли ее очередное недомогание. Какая польза от чтения этих писем? Скорее всего они еще раз напомнят ей о разбитом сердце и крахе иллюзий.

Подняв голову, Лия посмотрела на противоположную сте-

ну с ее синим цветочным рисунком и желтым бордюром, на ковер савонери в бежево-золотистых тонах, на стулья палисандрового дерева с обивкой из дамаста. Как же она ненавидела эту комнату и все, чем занималась в ней! Даже при том, что в камине, несмотря на середину лета, горел огонь, здесь всегда было холодно. Воображение преследовало ее, возвращая к первым четырем месяцам их брака.

Здесь, на этом стуле, она сидела, когда Йен спустил пеньюар с ее плеч.

Около этой стены он овладел ею – обхватив обеими руками ягодицы, заставил ее обнять ногами его талию...

Потом, уже на полу, наклонился над ней как животное. О, какой же греховной и распутной она должна была быть!

Лия закрыла глаза.

И потом это продолжалось здесь, на этой постели, уже после того как она узнала об измене. Несколько месяцев она лежала под ним, стараясь игнорировать ощущения от его рук и губ. До крови закусив губу, сдерживала стон, готовый вырваться из ее груди. И она позволяла ему взять ее... снова и снова.

Без души.

Это то, во что она позволила себе превратиться. Бледное зеркальное отражение без воли и стержня. Когда она застала Йена и Анджелу, то поклялась, что никогда больше не даст ему ни кусочка своего сердца... но в конце, даже не сознавая этого, отдала ему все.

И вот теперь лорд Райтсли не понимает ее поведения. Он ожидал, что она будет соблюдать траур, вести себя как прежде, то есть будет послушной и покорной. Но нет, она не могла. Она старалась быть хорошей женой и дочерью и... потеряла себя. И сейчас, после смерти Йена, она уже не знала, сможет ли жить, отказавшись от независимости, которую наконец обрела.

Лия опустила глаза на свои руки. Она отложила медальон, ленту, одиннадцать любовных писем. Лорд Райтсли был прав: следует сжечь их, это хорошая идея.

...Входя в их городской дом, дом семейства Джордж, Лия кивнула слуге, который вежливо придержал открытую дверь. Слабая улыбка тронула ее губы. Сказывалась усталость после вчерашнего обеда, когда она, как и положено хозяйке, принимала гостей. Да еще завтрак сегодня утром с ее матерью. Лия почти физически ощущала темные круги под глазами.

При мысли о матери ее плечи невольно напряглись, и Лия попыталась расслабиться, поворачивая голову то вправо, то влево, чтобы размять шею. Не важно, сколько раз за сегодняшнее утро Аделаида делала ей замечания в присутствии других дам или то и дело перебивала ее, пока Лия говорила. Теперь она была дома, и постель звала ее.

Но сначала Йен.

Слабая улыбка ушла, и на лице появилось счастливое вы-

ражение.

Йен.

Он сказал, что останется сегодня дома, чтобы заняться делами Линли-Парка. Произнес это с капризной гримасой, будто он был школьником, оставившим игры ради занятий в скучной и тоскливой классной комнате. Заглянув внутрь, она поняла, что кабинет пуст, его стул остался стоять отодвинутым от стола, словно кто-то позвал его и он торопливо вышел.

– Роберт, – обратилась она к слуге у двери. – Мистер Джордж ушел? Вы не знаете, когда он вернется?

– Нет, мадам. Он поднялся наверх. Приехала леди Райтсли, чтобы забрать шаль, которую она оставила вчера на обеде, и он поднялся, чтобы встретить ее. – Глаза Роберта смотрели куда-то выше ее головы, избегая ее взгляда, и Лие хотелось топнуть ногой, чтобы привлечь его внимание.

Но разумеется, она просто сказала «мерси» и пошла наверх в гостиную, где прошлым вечером нашла бургундскую шаль Анджелы. Когда она расправляла шаль, мягкая шерсть касалась кожи между перчатками и рукавами ее платья, и на какой-то момент Лие вдруг захотелось, чтобы она тоже была любима, как Анджела. И больше никогда не слышала комментариев матери по поводу ее фигуры, волос или характера; могла без боязни носить фиолетовое, не опасаясь, что ее кожа приобретет тусклый оттенок, и обладать уверенностью женщины, для которой весь мир прекрасен.

Но она отбросила эту мысль, устыдившись своей зависти. Если и есть чему завидовать, то искренней и безыскусной натуре Анджелы, которая влекла к себе людей, как цветок, распускающийся на солнце. Лия тоже хотела бы казаться такой, но реального желания всегда быть милой или искренней у нее не было. В отличие от Анджелы она не могла слушать мисс Йорк, когда та снова и снова бубнила что-то нравоучительное о судьбе старых дев, или терпеливо сидеть рядом с лордом Даубри, пока он хлюпает и сморкается, бросая взгляды на ее зад. Не говоря уже о том, что Лия не обладала какими-то выдающимися формами, но, на ее несчастье, лорд Даубри, казалось, был готов поглядывать как на маленькую кобылку, так и на большую.

Сомнений не было: Анджела была ангелом, и в награду за ее красоту, доброту и прочие добродетели ей в мужья достался преданный и верный лорд Райтсли. Лия, напротив, не отличалась особой красотой и скорее была саркастичной, нежели доброй. Тем не менее ей повезло заполучить в мужья мистера Йена Джорджа. И он любил ее.

Улыбка Лии стала шире, когда она подошла к дверям гостиной. Честно говоря, у нее не было причин завидовать Анджеле.

Чуть приоткрыв дверь, она услышала голос Анджелы, радостно проговорила:

– Добрый день! – и вошла в гостиную.

Нет, она только думала сказать это, но слова застряли

в горле. Слова, которые она не могла произнести, которые вмещали слишком много: ее невинность и веру в любовь, в дружбу, в справедливость мира.

Золотистая голова ее мужа склонилась к обнаженной груди Анджелы, он ласкал ее губами и языком. Лиф платья был спущен до талии, Анджела прогнулась, ее руки утонули в его волосах, глаза были прикрыты в экстазе. У любой другой женщины это выглядело бы безобразной гримасой, но Анджела превратилась из невинного ангела в настоящую соблазнительницу.

Странно, но первое, что пришло в голову Лии, – что бы сделала ее мать? Она, наверное, повернулась бы, не издав ни звука, и вышла, притворившись, что ничего не случилось.

Но Лия не могла. Она стояла, пораженная тем, что открылось ее глазам. Ее руки поднялись и зажали рот по своей собственной воле. Она была потрясена. И сейчас она могла бы сформулировать слова и вместо «добрый день» сказала бы: «Будь ты проклят!» или «Я ненавижу тебя!»

Она могла бы разбить вазу с тюльпанами или бронзовые часы на камине, метаться по комнате, швыряя тяжелые предметы в их головы и крича, как разгневанная фурия.

Все это пронеслось вихрем в ее сознании, когда она увидела, как Йен переключился на другую грудь Анджелы, затем стал осыпать поцелуями ее шею, и все это время слезы текли по щекам Лии. И слова, которые наконец-то вырвались из ее уст, были не проклятия, не злое осуждение, а тихий шепот.

Настолько тихий, что она удивилась, когда они обратили на нее внимание и застыли. Лия никогда не забудет лицо Йена в этот момент: довольное выражение мгновенно исчезло, досада в его глазах смешивалась с чувством вины.

– Как ты мог?

Анджела отвела взгляд, на ее шее и лице выступили красные пятна. И Йен... Лия рыдала. О Господи, как жалка она была. Йен, ее дорогой, любимый муж вышел вперед, загородив собой Анджелу от взгляда Лии. Защищая ее! Ее!

– Прости, – сказал он.

Она была слабой и маленькой и полной дурой, веря, что он любит ее. Безутешно рыдая, Лия повернулась и выбежала из гостиной.

– Могу я вам помочь?

Лия оторвалась от рисунка в модном журнале и подняла глаза на помощницу модистки.

– Я бы хотела присмотреть что-то для траура...

Девушка сделала книксен и опять исчезла в служебной части магазина. Взгляд Лии вернулся к образцам на страницах журнала, лежащего на прилавке: платье для чая, вечерние платья, амазонки для верховой езды – эскизы с боа и оборками, из муслина и бархата, шелка и тафты. Несмотря на ее внутренний протест, ее рука снова потянулась к желтому платью, отделанному белым кружевом, а сердце подпрыгнуло. Нет, до следующей весны она не сможет носить что-то

подобное.

– Все, что у нас есть, здесь, – вернувшись, сказала девушка. Лия убрала руку и засунула ее в складки юбки, чувствуя себя как ребенок, который хотел стащить печенье.

– Спасибо. – Она почти улыбнулась, стараясь скрыть чувство вины.

Прошла неделя после визита лорда Райтсли, бесконечные семь дней одиночества. Она чувствовала это особенно остро после того, как доктор сказал ей, что она не беременна, но сумела перебороть себя, разбирая вещи Йена. А в последнюю неделю беспросветность одиночества снова охватила ее, она стала задыхаться, чувствуя, что больше не в состоянии ни секунды оставаться в городском доме.

Продавщица отошла в сторону, чтобы разложить рулон материала, пока Лия изучала предложения. Все одно и то же. Бомбазин. Креп. Бомбазин. И снова креп. Все черное. Все скучное, ни намек на фриivolность. Восемь месяцев она провела затянута и упакованная, вынужденная сдерживать свои действия и чувства, пока жила как жена Йена, абсолютно одна в своем отчаянии. Даже сейчас она не могла избавиться от обязательств по отношению к нему и ради него должна была превратиться в траурный мемориал.

Лия закрыла модный журнал и подняла глаза. Она улыбнулась, но быстро убрала улыбку, встретив удивленный взгляд продавщицы.

Улыбка. Всего лишь улыбка. Нет, это не положено насто-

ящей вдове, мать прекрасно просветила ее на этот счет. А что касается женщины, которая хотела сохранить свои секреты, – здесь ей дал указания лорд Райтсли своим высокомерным аристократическим тоном. Со всеми этими запретами и правилами, обрушившимися на ее хрупкие плечи, удивительно, что она еще была в состоянии держаться прямо.

– Я не думаю, что хотела бы сделать заказ сегодня, – вздохнув, проговорила Лия.

Настороженность появилась на лице девушки, возможно, в ответ на слишком тихий шепот Лии.

– Нет, мадам?

– Предварительно я бы хотела посмотреть ткани, черные, разумеется. Но не могу ли я выбрать что-то иное, чем креп или бомбазин?

Девушка опустила глаза и задумчиво вытянула губы.

– Одну минуту, мадам.

Лия оглядывала комнату, пока ждала: розовая обивка стульев, между ними овальный стол, стопки модных журналов в углу прилавка. Сине-белые обои в восточном стиле, чистые, но вытертые на швах. Звук шагов эхом отдавался в голове, и она посмотрела вниз на свои пальцы, нервно барабанившие по прилавку. Вздохнув поглубже, заставила себя успокоиться и увидела, как из-за занавески, закрывающей дверь в служебное помещение, вышла продавщица.

Она держала в руках рулон черной органзы. Черная, но отливающая темно-синим в волнах света, воздушная ткань...

– Иногда берут на бальные платья, но не все дамы решаются выбрать эту ткань.

В чем причина, по которой сердце Лии застучало с бешеной скоростью? Ведь это был всего лишь кусок материи, и, несмотря на синий оттенок, все равно черной. Лия не сможет украсить платье атласным бантом или бисером или выбрать модный фасон. Если она наденет платье из этой ткани, оно все равно будет выглядеть как платье вдовы, строгое и респектабельное, без намека на легкомысленность.

Она протянула руки и легонько провела по ткани, материал приятно шелестел под ее черной перчаткой. Нет, она была не в состоянии отказаться.

– Я передумала, – пробормотала она, любуясь сине-черным материалом. – Я бы хотела заказать платье из этой ткани.

– Какой фасон, мадам?

Лия снова открыла журнал и указала на первое попавшееся платье, которое выглядело точно так, как две дюжины ее других траурных нарядов:

– Вот это подойдет.

– Вы хотели бы, чтобы мерки сняли сегодня?

– Да. – Лия выпрямилась, неохотно убрав руку. – Когда оно будет готово?

Разумеется, она будет носить его только у себя дома. Так как она недавно овдовела, никому не приходит в голову прислать ей приглашение, никто не ждет ее на балах или на при-

емах. Лия не ждала, что ее мать или Беатрис приедут навещать ее в ближайшее время. И друзья, обожавшие Йена, когда-то звавшие ее на чай, теперь забыли о ее существовании. Лишь изредка Лия получала от них открытки с соболезнованиями. Она была им нужна только для того, чтобы они могли наслаждаться компанией Йена.

Наконец продавщица сказала:

– Неделя вас устроит?

И вдруг Лия сделала маленький пируэт. Совершенно спонтанно, не думая об этом, не анализируя уместность действия или его последствия и то, как бы восприняла это ее мать или отразилось на ее муже. Она просто покружилась. Всего один раз.

И когда она остановилась, то увидела, как удивленно продавщица смотрит на нее. Лия улыбнулась ей сквозь вуаль.

Улыбка. Пируэт. Черная органза. Все в один день. О, это была всего лишь маленькая попытка быть независимой. Но начиная с этого дня она хотела большего.

В тот вечер Лия бродила по дому, переходя из одной комнаты в другую. Она пробовала читать, но, увы, Теккерей не смог удержать ее внимание. Пробовала сесть за фортепьяно, но из этой затеи тоже ничего не вышло. После нескольких аккордов ее пальцы неподвижно лежали на клавишах. Она сама не заметила, как спустилась в холл. Казалось, ноги несут ее куда-то помимо ее воли. Не обращая внимания

на удивленные взгляды слуг, она оказалась на первом этаже, потом поднялась на второй.

В течение всей своей жизни она была связана ограничениями, наложенными на нее ее матерью, и должна была соответствовать ожиданиям общества. И никогда не помышляла о том, чтобы нарушить все эти правила, она спокойно следовала предписаниям, веря, что ее награда – это прекрасный муж, который будет любить ее и их общих детей. Но, будучи послушной, Лия не получила ничего, кроме разочарования и печали.

Лия круто повернулась на каблуках, задев юбками стул. Казалось, комната сузилась, а тишина давила. Она долго хранила секрет Йена, боясь позволить себе сойтись с кем-то поближе, чтобы, не дай Бог, кто-то смог бы прочесть правду в ее глазах. Но теперь, когда он был мертв, почему она снова должна мириться с одиночеством? Она понимала, что никто не присылает ей приглашений, потому что все думали, что она погружена в свое горе, но это было не так.

Лия вошла в спальню, ее взгляд прошелся по стенам, по полу, разнообразным мелочам, которые она расставила в комнате. Не по своему желанию, а потому, что именно так должна выглядеть комната леди. Хрустальные флаконы с духами на трюмо, щетка для волос точно в центре, никакого беспорядка, ничего случайного, все на своих местах. Пейзажи на стенах: поля, усеянные фиалками и мирно пасущимися стадами. Нет, если бы она прислушалась к своим

собственным желаниям, она выбрала бы что-то от Делакруа или Жерико, предпочитая вместо пассивной сцены видеть на холсте жизнь, дерзкую и яркую.

Она снова развернулась и подошла к маленькому письменному столу у противоположной стены. В одном из ящиков лежали письма Анджелы к Йену. Она столько раз пыталась их сжечь, но всякий раз вытаскивала из камина. Их секреты не отпускали ее.

Выдвинув ящик стола, Лия взяла пачку писем, перевязанную розовой лентой. Хотя запах ванили и лаванды стал слабее, но по-прежнему ощущался. Она тут же вспомнила Йена, то, как он ложился рядом с ней в постель, и этот аромат исходил от его кожи...

Ее рука слегка задрожала, стремясь отшвырнуть письма. Вместо этого она еще осторожнее сжала их и повернулась к креслу перед камином. Капельки пота выступили на висках, когда Лия села в кресло, но она никого не позвала, чтобы пламя притушили.

Она держала письма так крепко, что чувствовала, как пергамент впитывает влагу ее ладоней. Дыхание стало глубоким и прерывистым, будто она спешно поднялась по лестнице, вместо того чтобы преодолеть ступени размеренным шагом. Капелька пота катилась по щеке, по подбородку, вдоль шеи и по ее плечу, оставив след на впадине ключицы.

Дрожащими руками Лия развязала ленту и вытащила первое попавшееся письмо из пачки. Это могло быть первое

письмо Анджели, а может быть, последнее, это не имело значения. Лия не знала, что именно она ищет, как и не знала, почему решила прочесть его.

Отложив все другие в сторону, она развернула письмо.

Пергамент стал похож на тонкую ткань, влажный и потертый в ее руках, глаза сфокусировались на написанном:

«Любовь моя!»

Лия ждала, что ее глаза обожгут слезы, а горло сдавят подступающие рыдания, но ничего подобного не случилось. Она не могла подавить ощущение предательства, видя, с какими словами другая женщина обращается к ее мужу, но это почему-то не убило ее. Ее сердце больше не было деликатным и хрупким, и она ощутила радость, что оно не будет разбито вновь от того, что она задумала.

«Спасибо за цветы! Они прекрасны. Я даже не помню, когда говорила тебе, что орхидеи – мои любимые. Сейчас они стоят в моей спальне, и когда бы я ни посмотрела на них, вспоминаю тебя и улыбаюсь.

Тем не менее я настаиваю, чтобы ты прекратил делать мне подарки. Я объяснила Себастьяну, что эти цветы от моей кузины Гертруды, которая якобы хотела сделать мне приятное... Я не хочу, чтобы у него возникли подозрения, и ненавижу лгать ему. Иногда я забываю, что говорю. Два дня на-

зад я утверждала, что у меня болит голова, совсем забыв, что раньше сказала, будто бы болит живот. Я хотела бы, чтобы мне никогда не пришлось обманывать его, но что делать, я не могу больше выносить его прикосновения».

Лия сделала паузу и глубоко вздохнула. Лорд Райтсли был прав, когда отказался читать эти письма.

«Если бы я встретила тебя первым или ты был бы сыном графа, а не виконта... Каждый день я думаю... но, нет, я знаю, ни к чему не приведут эти мысли. Я люблю тебя, мой дорогой. Ты спрашивал меня раньше, и я не призналась, но да – я ревную к ней. Когда тебя нет рядом, я думаю о тебе и о ней. О том, что вы вместе. Как бы я хотела видеть тебя каждый день. Я представляю, как мы проводим тихие вечера, ты за книгой, я за вышиванием. Такая домашняя идиллия... Наши дети, сидя у твоих ног, слушают тебя. Они улыбаются и смеются, когда ты улыбаешься Генри. А потом ты подаешь мне руку и ведешь меня в нашу спальню.

Мой дорогой Йен! Я написала бы больше, но... я сохраню слова до нашей встречи.

Как утомительно тянутся без тебя дни.

Я люблю тебя.

Навсегда твоя, Анджела».

Лия глубоко вздохнула. Она тупо смотрела на письмо, буквы расплывались перед глазами. Плечи поникли, пальцы,

сжимавшие письмо секунду назад, ослабели, и оно упало ей на колени...

Это была любовь. Они любили друг друга. Или по крайней мере Анджела любила его.

Она предполагала страсть, может быть, влечение, но... не любовь. Не то чувство, которое она испытывала к Йену. Она предполагала, что в письме излита страсть. Тогда она бы представляла, как они занимались любовью, и тогда она испытывала бы гнев, горечь от предательства, это было бы уместно, ее чувства были бы понятны. Но теперь...

Они потеряли все, не так ли?

Лия встала со стула, письмо упало на пол. Она сделала несколько поспешных шагов, прежде чем понять и вернуться назад к связке писем.

Но быть может, Йен и Анджела не потеряли все? Они сделали все, чтобы быть вместе, не желая давать возможность обществу, которое опирается на мораль и устои, управлять их жизнью. Письмо Анджелы наполняло ее печалью и одиночеством, когда они с Йеном были в разлуке, но еще более одинокой она была, когда они находились вместе.

Лия открыла ящик письменного стола и бросила туда письма, сладкий запах ванили и лаванды больше не оскорблял ее чувства. Это было нечто большее. Напоминание, которое всегда будет с ней. Поддержка, которая была ей так необходима.

Отвага.

Глава 5

Не говори мне, будто бы знаешь, что я чувствую. Ты знаешь, какая радость в моем сердце, когда ты рядом, или грусть, когда ты далеко? Нет, я боюсь, что ты не знаешь, и я всегда одна наедине со своей болью.

Себастьян медленно вздохнул, оглядывая комнату. Кажется, она пропахла старыми титулами и новоиспеченным богатством, тяжелый сигарный дым наполнил его легкие, когда он вздохнул.

– Я уже пожалел об этом, – пробормотал он, обращаясь к Джеймсу. Он не посещал мужской клуб со дня смерти Анджелы. Не то чтобы он не хотел видеть других людей или избегал компаний, но Джеймс настолько обосновался в своем городском доме, что Себастьян был удивлен, как это горничные не отполировали его вместе с мебелью. Нет, это был обычный клуб, но по той же причине он избегал сейчас званных обедов и музыкальных вечеров. Здесь все было так, как до смерти Анджелы и Йена, как будто и не было этой смерти. И как будто бы его жизнь не столкнулась с жестокостью реальности четыре месяца назад.

– Ты можешь жалеть о чем хочешь, – ответил Джеймс и потащил его к столу в центре комнаты. Не где-то в углу – прости Господи, – а именно в центре. – Скажи спасибо, что я

не привязал тебя к хвосту моей лошади и не приволок сюда насильно. Это соблазнительная мысль.

Вокруг них разговоры протекали в привычном русле: погода, война на континенте, политика, но особенный энтузиазм вызывала одна тема – женщины. Себастьян расположился на мягком стуле, слишком удобном для человека, стремящегося себя наказать и держать в строгости. Положив руки на колени, он наблюдал, как Джеймс жестом указал официанту, чтобы принесли напитки.

Усевшись напротив него, брат улыбнулся:

– Господи, ты выглядишь ужасно.

– Не понимаю, почему ты настаиваешь на смене декорации, но куда бы мы ни пришли, стараешься уязвить меня?

– Мне нравится задирать тебя. Это одно из величайших удовольствий в моей жизни.

Себастьян сжал губы, когда официант поставил перед ними бокалы. Он скользнул взглядом по бледному золоту виски и отвел глаза в сторону. Джеймс потягивал виски, глядя на него точно с тем же выражением, как смотрел в течение последних месяцев, – терпеливо, но лишь немного расстроено.

Слева от Себастьяна мистер Альфред Данлоп беседовал с юным бароном Купер-Джайлсом.

– Я непременно должен поехать. Честно говоря, скандал, если таковой и будет, мало волнует меня. Уолтер сказал мне, что мисс Петтигру непременно должна быть там.

– Наследница банкира? – Себастьян услышал вопрос Купер-Джайлса.

– Да, – ответил мистер Данлоп. В его голосе послышалось недовольство. – Потеряв инвестиции, вложенные в кораблестроение, так как «Рейнард» затонул неделю назад, я надеюсь к концу недели получить согласие на брак.

Себастьян перевел взгляд через плечо Джеймса и слушал речь лорда Дерриоу о его новой породистой охотничьей лошади. Джеймс вздохнул, и Себастьян ответил на его взгляд полуулыбкой. Чем больше они общались, тем лучше понимали друг друга.

– Может быть, все, что мне нужно, – это женщина, – предположил он.

– Женщина?

– Да.

– В постели?

Себастьян кивнул.

– Ты хочешь женщину? – Голос Джеймса усилился от недоверия, и Себастьян поморщился.

Да, он хотел легкомысленного секса, кого-то, кто бы заставил забыть об Анджеле. Почувствовать другой запах, кожу, другие руки... Но при этой мысли его тело восставало, мускулы напрягались, и его легкие, казалось, теряли способность дышать. Дыхание перехватило, сосредоточившись на неизменном безмолвном шепоте ее имени. Анджела.

– Ах, не обращай внимания. – Он повернулся к большому

окну, выходящему на улицу, взглянул через головы барона Купер-Джайлса и мистера Данлопа. Они вели беседу о приеме в загородном поместье.

Но Джеймс продолжал игру, теперь его голос звенел шуткой.

– Хочешь, я пришлю тебе одну цыпочку ночью? Или, может быть, мы уйдем сейчас, и я сделаю все, чтобы найти леди Карроуэй? Она нравилась тебе несколько лет назад, помнишь?

– К черту все это, забудь, что я сказал, Джеймс... – Он так и не договорил, когда услышал, как кто-то произнес знакомое имя по другую сторону стола. Его взгляд остановился на мистере Данлопе.

– Конечно, – сказал Джеймс, – вдова Карроуэй сейчас немного старше, чем была когда-то. Я полагаю, некоторых мужчин отталкивают седые волосы. Меня, например.

Себастьян прервал его многозначительным взглядом, затем встал и, обойдя стол, остановился около мистера Данлопа и барона Купер-Джайлса.

Мистер Данлоп, не закончив предложение, взглянул на него:

– Лорд Райтсли.

– Добрый день. – Он поклонился Данлопу, затем Купер-Джайлсу. Вежливость. Это дается проще, когда практикуешь. Хотя, надо признать, гнев и отчаяние стали слабее, чем несколько месяцев назад. Сломанный стул. Разбитое ок-

но, стены, подвергшиеся ударам его кулаков. Кочерга для камина, которую он швырнул, после того как не смог сжечь портрет Анджелы. Теперь он научился контролировать свои эмоции. Только небрежно завязанный шейный платок был свидетельством его гнева, который все еще стремился прорваться сквозь благообразный облик джентльмена.

Себастьян посмотрел на Данлопа:

– Я, кажется, слышал, что вы что-то говорили о домашнем приеме?

Данлоп обменялся беспокойным взглядом с бароном Купер-Джайлсом, и Себастьян сразу все понял.

Он не ослышался и все же решил уточнить:

– Я могу спросить, о каком приеме идет речь?

Данлоп ответил взгляд.

– Вдова Джордж, милорд. Мы уезжаем завтра... мы едем в Уилтшир... – Его голос затих. Видимо, он ожидал, что Себастьян расстроится, хотя Данлоп не мог знать о романе между Йеном и Анджелой и соглашении Себастьяна с Лией держать все в тайне. Идея вдовы близкого друга Себастьяна устроить прием в собственном доме была сама по себе абсурдна.

Все мысли об Анджеле испарились, их заменил образ улыбающейся темноволосой обманщицы. Три недели. Не много времени потребовалось Лие, чтобы нарушить их соглашение.

– Ах, конечно. – И, сделав паузу, подсчитывал, сколько

времени у них уйдет на дорогу до Линли-Парка. Он снова вежливо кивнул, затем вернулся туда, где сидел Джеймс.

– Себастьян? – Джеймс взял новый бокал с виски. – Все в порядке? Твое лицо так мило покраснелось, что я подозреваю...

– Это касается миссис Джордж, она устраивает прием, – тихо проговорил он. Себастьян поглаживал край стола. Его пальцы легко, словно перышки, касались полированного дерева, что являлось свидетельством его самообладания.

– Четыре месяца, – пробормотал Джеймс. – Пожалуй, несколько рановато.

– Да, и никто не сможет предотвратить скандал. Только что овдовев, она устраивает прием в своем загородном доме.

Он мог прекрасно представить, какая сцена развернется: Лия приветствует прибывших гостей во вдовьем чепце, и проклятая улыбка блуждает на ее губах. Она, возможно, даже откажется от траурного платья и вместо этого наденет что-то желтое или провокационно кремовое, чтобы заявить всему миру о своей радостной независимости.

Безрассудство.

Как она любила это слово, упивалась им, все ее существо светилось ликованием. Неужели когда он посетил ее в городском доме, она уже планировала этот прием, а может быть, это он невольно подкинул миссис Джордж эту идею, используя одно-единственное слово?

Но какая, собственно, разница? Даже если она будет бол-

тать на отвлеченные темы и никому не скажет о романе, в конце концов ее поведение откроет правду. Не имело значения, что все узнают о нем как об обманутом дураке, обманутом муже, который не подозревал, что ему наставляют рога. В конце концов сплетни угаснут, и его гордость будет восстановлена. Но была и другая, совершенно невыносимая мысль, которая преследовала его каждый раз, когда он смотрел на Генри: действительно ли тот законнорожденный.

Если бы только у Генри были каштановые волосы или зеленые глаза! Если бы только его лицо не было круглым и он не был так юн, тогда в нем могли бы проступить черты или манеры, которые сразу же подтвердили бы, что он сын Себастьяна. Но пока что Генри был прелестным маленьким мальчиком с милым, невинным личиком Анджелы, его волосы были такие же светлые, как у Анджелы... или как у Йена.

Не обращая внимания на боль в груди, Себастьян тяжело опустился на стул и потянулся к бокалу виски. Он не часто употреблял алкоголь, но сейчас ему просто необходимо выпить, чтобы подготовиться к тем слухам, которые, несомненно, не заставят себя ждать.

Почему юная вдова Джордж не носит траур по мужу, которого так все любили? Что он такое совершил, чтобы заслужить подобное отношение?

И никакого другого ответа быть не может, кроме правды. Глядя через стол, Джеймс приподнял бровь:
– И когда намечается сбор гостей?

– Через два дня.

Что означало, что Лия уже уехала из Лондона, чтобы осуществить все необходимые приготовления. У него нет времени на путешествие в Уилтшир, чтобы убедить ее отменить вечеринку. И даже если бы он успел вовремя добраться до Линли-Парка, вряд ли ему удалось бы это. Он мало что мог сделать. Это уже скандал, и теперь он лишь будет набирать обороты.

Себастьян осторожно и беззвучно поставил стакан на стол, не выдав своего волнения. Так или иначе, но она должна знать, что он не одобряет ее затею. Может быть, она не верит, что он был серьезен, когда предупреждал ее о безрассудстве?

К сожалению, пришло время указать Лие Джордж на ее ошибки.

Не прошло и шести часов, как Лия уже пожалела, что пригласила всех этих людей, с которыми была знакома довольно поверхностно, приехать в ее дом и изучать ее. Нет, разумеется, они не смущали бы ее заинтересованными взглядами. Они бы лишь украдкой смотрели на нее, когда бы Лия не могла их заметить. Так или иначе, но ей пришлось удержаться от желания попросить дворецкого выпроводить их всех вон.

Она не была готова к проявлению столь повышенного внимания к своей персоне, хотя и старалась изображать хо-

зайку: Йен всегда брал на себя обязанность развлекать гостей. И несмотря на рискованную затею устроить прием всего лишь после четырех месяцев вдовьего уединения, сейчас она готова была отказаться от этого вызова и вернуться к тихой простой жизни.

Оглядывая сидящих по обе стороны стола, Лия улыбнулась:

– Я прошу прощения, джентльмены, за то, что сегодня вам придется отказаться от сигар. Вместо этого не собратъся ли нам всем в гостиной? Я бы хотела сделать одно заявление, прежде чем сообщу вам о тех развлечениях, которые вас ждут.

С удивленно поднятыми бровями и настороженными взглядами гости поднялись со своих мест. Лия пошла наверх, гости следовали за ней. Хотя она отправила более тридцати приглашений, приехали только восемь человек – и если честно, это было даже больше, чем она ожидала. Но возможно, они думали, что она специально выбрала такое странное число, чтобы подчеркнуть собственную эксцентричность, понимая, что вскоре пойдут сплетни по поводу того, что она устроила вечеринку так быстро после смерти Йена.

В гостиной она подождала, пока гости рассядутся. Хотя ей были знакомы все эти лица, никто из приглашенных не был особенно близок с ней или Йеном. Некоторые были заинтригованы возможным скандалом, другие не пользовались вни-

манием светского общества и были просто счастливы принять приглашение. Они могли сколько угодно шептаться и критиковать ее поведение, но она не пригласила никого, кто хорошо бы знал Йена или мог задать неудобные вопросы.

С гулко стучащим сердцем и влажными от волнения ладонями Лия напомнила себе, что гости здесь для ее развлечения, и не более. Глубоко вздохнув, она указала на большой портрет Йена, висевший на стене, который она перенесла сюда из галереи.

– Спасибо, что вы приехали, – начала она, тем самым давая сигнал прекратить перешептывания и разговоры. – Я понимаю...

Херрод, дворецкий, поймал ее взгляд, стоя в дверях.

– Одну минуту, извините меня, – сказала Лия и выскользнула из комнаты, радуясь отсрочке.

– Я очень извиняюсь, мадам, но прибыл еще один джентльмен. Граф Райтсли. Он настаивает на встрече с вами...

Райтсли. Она надеялась, что он не узнает о ее затее, пока прием не закончится, освободив их обоих от неприятного разговора. Но он приехал... ругать ее, читать нотации, заставить опять ощутить печаль и одиночество, те чувства, которые, без сомнения, терзают его самого.

Внезапно Лия успокоилась. Ее сердце забилося ровно, дыхание пришло в норму. Она может не стараться казаться лучше перед другими, но вызов лорда Райтсли – это нечто иное.

Он намерен проверить ее независимость, что ж, пусть попробует, Лия сильно сомневалась, что Себастьян хоть что-нибудь знает о той силе, которая появилась после смерти Йена.

– Спасибо, Херрод. Пожалуйста, позаботьтесь о моих гостях, пока я отсутствую, – сказала она, затем почти бегом спустилась по лестнице в холл.

Сейчас ей предстоит увидеть его, графа с невозможно зелеными глазами и суровым, угрюмым выражением лица. Ей было интересно, как она будет на этот раз реагировать на его просьбы, как будет изображать независимость и отстаивать свое право на открытое неповиновение.

Лия жалела его. Хотя она стремилась двигаться вперед, отделяя себя от того человека, в которого превратилась, пока была женой Йена, она не могла забыть гнев графа в его прошлый визит и ту злость, с которой он бросил письма Анджели на пол. Райтсли целиком и полностью погружен в свою печаль, тогда как сама Лия всеми силами старалась избавиться от нее.

Как бы он ужаснулся, обнаружив, что она жалеет его. И еще больше, если бы знал, что это только усиливает ее решимость. Невзирая на то что он говорил, она не склонна проявить послушание и тем самым исполнить его просьбу, не важно, что он граф, не важно, что ее сердце защемило от боли при виде отчаяния в его глазах.

Райтсли, как всегда, ожидал в просторном холле, на полу рядом с ним стояли два саквояжа. Получая удовольствие от

того, как потемнело его лицо при ее появлении, Лия заулыбалась было, но сдержала улыбку и сделала книксен.

– Милорд Райтсли, я не знала, что вы собирались приехать. Все гости уже в сборе, и сейчас мы...

– Мой приезд – это реакция на слухи, причина которых – вы. – Он взял ее руку и поднес к губам. Хотя это был всего лишь жест вежливости, во всяком случае, он хотел, чтобы это выглядело так, Лия поразилась той силе, которая исходила от его руки, и мягкой угрозе поцелуя, когда его губы коснулись ее ладони, затянутой в тонкую перчатку. Аура благородной скорби, окружавшая его, испарилась, и ее сменила злость.

Впервые за три года их знакомства она поняла, что граф Райтсли наконец-то разглядел ее. Не как случайное лицо в свете, не как жену Йена или его вдову, но как Лию Джордж саму по себе. Отдельно от тех толп женщин, которые, разумеется, не были столь совершенны, как леди Анджела Райтсли, и относились к другой категории, как и Лия Джордж. Презираемая. Неприятная. Враг.

Может быть, жалеть его было ошибкой?

Райтсли отпустил ее руку.

– Боюсь, я оказал вам плохую услугу, миссис Джордж. Очевидно, я переоценил ваш ум.

Лия вздрогнула, разжала пальцы – он даже не извинился за то, что слишком сильно сжал их. Сейчас, когда он на мгновение забыл о своем горе, вся его энергия была направ-

лена на то, чтобы отругать ее.

Она подняла голову:

– Вы сердитесь, потому что опоздали на обед?

– Я думал, что моей просьбы достаточно, чтобы избежать скандала, неужели это так трудно понять? А теперь мы здесь.

– Да, – пробормотала она. – Мы здесь. Хотя я не посылала вам приглашение.

– Я думаю, мне было бы приятнее, если бы вы продолжали соблюдать траур и носить не только соответствующую одежду, но и вдовий чепец.

– Я решила приберечь шелковую ночную рубашку для ночного свидания.

– И если бы вы сохраняли верность правилам хорошего тона и не улыбались, как...

Он прервался, окинув ее на удивление недоброжелательным взглядом, когда она широко улыбнулась. Лия потянулась и погладила его по щеке. Это была ошибка, действие влекло за собой последствия, и она пожалела, что прикоснулась к нему. Но отступить было поздно.

– Мой бедный лорд Райтсли. Нехорошо с моей стороны мучить вас, не так ли? Пожалуйста, пойдите со мной. Когда вы приехали, я как раз собиралась сделать заявление перед нашими гостями.

– Нашими гостями? – переспросил он.

Она начала подниматься по лестнице и выпрямилась, когда услышала его шаги. На полпути он остановился.

– Нашими гостями? – спросил он снова, когда она достигла лестничной площадки.

Лия оглянулась.

Себастьян стоял внизу лестницы, сжимая перила, его рот сложился в тонкую требовательную гримасу. Еще одна вариация ее матери, подумала Лия, только мужчина: аристократ, не желающий отступать от строгих правил, принятых в обществе. Но она помнила Райтсли до трагического происшествия с каретой. Бывало, звуки их общего с Йеном смеха наполняли весь дом. Она помнила и то, с какой нежностью и любовью он наблюдал за своей женой, не обращая внимания на взгляды, которыми обменивались Анджела и Йен. Удовольствие на его лице, когда он выводил Генри к гостям. И его гордость, когда мальчик впервые ответил Лие коротким рассеянным поклоном в обмен на ее книксен.

Предательство изменило их обоих. Лие хотелось думать, что она получила хороший урок, и хотя боль была еще очень сильной, она оказалась более готовой к этому. Возможно, она могла бы экспериментировать со своей независимостью, не заставляя его страдать, и, может быть, даже помочь ему своим вызывающим поведением?

Вздыхнув, она замедлила шаги и теперь стояла всего на несколько ступенек выше его. Небольшое преимущество, которое давало возможность посмотреть друг другу в глаза.

– Я знаю, что вы не появились бы здесь, если бы не ваш страх, что я могу открыть тайну Йена и Анджелы. Я знаю,

вы предпочли бы, чтобы я отослала гостей домой, а вы могли вновь погрузиться в траур. Но если бы вы посмотрели на этот прием как на возможность снова наслаждаться жизнью, если бы позволили мне помочь вам, то вы бы поняли, почему я затеяла все это...

– Мне не нужна ваша помощь.

Ей не стоило говорить это. Она знала, что он не потерпит ее вмешательства, и все же решилась попробовать:

– Может быть, и нет, но...

Она замялась, когда он снова с неприязнью осмотрел ее.

– Это он так обращался с вами? – вдруг спросил Райтсли.

Лия нахмурилась:

– Я... я не понимаю, о чем вы?

– Йен. Он опекал вас? Обращался с вами как с ребенком? – Слова были сказаны мягко, печально, словно он был человеком, который жалел ее.

Лия стояла молча, неуверенная, куда могут завести его расспросы, и не в состоянии отвести взгляд от безжалостных изгибов его рта.

– Моя бедная миссис Джордж, – проговорил он, поднимая руку, чтобы провести кончиками пальцев по ее щеке.

Она понимала: он копирует ее жест, чтобы лишний раз поиздеваться. Но прикосновение к ее коже было слишком похоже на нежность, и она не могла сдержать румянец, который окрасил ее щеки, или увернуться от его прикосновения.

Его пальцы прошли по линии ее скулы, и он приподнял

ее подбородок. Она хотела ударить его по руке, но почему-то не смогла.

– Вы были всегда его тихой тенью, не так ли? Вторили каждому слову и движению? И я вижу, вы хорошо изучили его, хотя в вашей попытке подражания есть что-то детское. Я не ребенок, миссис Джордж. И мне не нужна ваша помощь.

– Я уверяю вас, милорд, в моих действиях нет ничего снисходительного. Если бы не обстоятельства смерти Йена, я вообще не имела бы с вами никакого дела. На самом деле будет лучше, если вы уедете. В вашем присутствии здесь нет никакой необходимости, более того, оно нежелательно.

Он мог отправляться ко всем чертям – это все, чего она хотела.

Райтсли опустил руку.

– Увы, оставлять вас в одиночестве было бы неправильным решением. И не думайте распустить гостей. Если вы сделаете это, то вызовете еще больше слухов. Прием продолжится.

– Вы собираетесь контролировать меня? – спросила она, сложив руки на груди, а потом опустила их, чтобы не быть похожей на маленькую девочку. Как он так просто мог выбить почву из-под ног?

– Да, мадам. Я буду контролировать вас, что бы вы ни думали.

Лия взглянула на вазу с маргаритками, стоявшую на лестничной площадке, ее пальцы, сжатые в кулак, медленно раз-

жались. Как бы глубоко она ни дышала, все равно не могла успокоиться. Какое-то движение у дверей привлекло ее внимание, и она оглянулась в поисках лакея, который стоял около саквояжей графа, ожидая ее распоряжений.

– Вы можете отнести вещи его светлости в Синюю гостиную, – наконец сказала она, хотя больше склонялась к тому, чтобы приказать вышвырнуть их за дверь.

Затем Лия вернулась в гостиную, не глядя по сторонам, и подошла прямо к портрету. С портрета на нее смотрел Йен, его рот застыл в знакомой насмешливой улыбке. Казалось, его шарм потускнел за последние месяцы, но, возможно, это произошло потому, что она окончательно разочаровалась в нем. Но даже при всей его снисходительности, давая ей массу причин для обид, унижения и злости, он никогда намеренно не делал ей больно.

В отличие от лорда Райтсли, хмуро подумала она.

Херрод уже обслужил гостей в ее отсутствие. Лия подала знак слуге принести ей бокал вина, затем повернулась и подождала, пока все затихнет. Как и прежде, ее сердце гулко стучало в груди, но на этот раз не из-за страха. Ее взгляд прошелся по комнате и нашел графа, он сидел рядом с Уильямом Майером и бароном Купер-Джайлсом. Тревога читалась в его глазах, когда он не без предупреждения кивнул. И Лия, глядя на него, подняла свой бокал, прекрасно сознавая, что каждый из присутствующих заметил их безмолвный обмен взглядами.

– Леди и джентльмены, – начала она, – я понимаю, что пригласить гостей, когда после смерти моего мужа прошло не так уж много времени, весьма неординарно. Кто-то даже может назвать это скандалом. – Приподняв бровь, она оглядела других гостей. – Тем не менее если вы хорошо знали Йена, вы не могли забыть, что он был человеком, заслуживающим большего, чем наши слезы и горе. Он вел образ жизни, которому многие из нас, включая меня, могли бы позавидовать. Смеялся, танцевал, участвовал в политических дебатах, обожал литературу и все делал со страстью, и казалось невозможным, что все это соединялось в одном человеке. Но это было именно так.

Замолчав, Лия взглянула на портрет. Это был трогательный момент, и каждый понимал, что эмоции настолько переполняли ее, что она не могла говорить. Хотя не было слез, она хорошо помнила мужчину, о котором говорила, помнила, как просто было влюбиться в него... как когда-то она думала, что и он тоже любит ее.

Прошла минута, она подняла бокал и посмотрела поверх головы леди Эллиот, стараясь вспомнить окончание своей речи.

– В течение следующей недели я попрошу вас вместо траура отпраздновать жизнь Йена. Для вас будут приготовлены его любимые блюда, и я уже придумала несколько развлечений, которые он особенно любил. Ближайший друг Йена, граф Райтсли, – она указала широким жестом на графа, на

этот раз не пытаюсь спрятать улыбку, – присоединится к нам, и у него тоже есть предложения. А сейчас я предлагаю тост: за моего любимого мужа, друга и одного из самых потрясающих мужчин, за Йена Джорджа!

Один за другим бокалы были подняты.

– За Йена, – раздались голоса. Лия взглянула на Райтс-ли. Хотя его губы коснулись края бокала, вино оставалось нетронутым, а бокал полным. Бледная маска вежливости застыла на его лице, и только резкий взгляд его зеленых глаз не мог скрыть удивления и обещания расплаты.

Удовлетворенная Лия сделала еще один глоток, прежде чем подойти к Херроду.

– А сейчас позвольте мне, как и было обещано, представить вам нашу особую гостью – мисс Викторию Линд, которая исполнит любимые музыкальные произведения Йена.

Когда взволнованные голоса и перешептывания стихли, а певица взяла первую высокую ноту, Себастьян поднял свой бокал и осушил его – не за Йена, а за его вдову. Как и Лия Джордж, вино обладало поразительно тонким вкусом, умело скрывая свою истинную силу в деликатном, невинном букете.

Так как оперная дива выступала, стоя в дальнем конце комнаты, Себастьян не мог держать Лию в поле зрения, притворяясь, что все его внимание отдано мисс Линд. Но даже при этом он мог ощущать присутствие Лии за своим левым

плечом и силу, которую он больше не мог недооценивать.

Он хотел бы думать о ней как о юной вдове, которая решила распробовать внезапно обретенную свободу любым, пусть даже возмутительным способом. Вдове, которая, вероятно, заведет дюжину любовников просто потому, что ей нравится вести себя эксцентричным образом, а может быть, потому, что у нее нет мужа, на которого она хотела бы произвести впечатление. Неосмотрительное и безответственное, ее поведение было бы объяснимо. Имея несколько тихих минут без грохота поезда или шума колес кареты и с трезвыми мыслями, Себастьян мог представить ее дальнейшие действия. Он мог бы найти способ, дабы предупредить их, какой бы нелепый план ни созревал в ее голове.

Но она оказалась куда хитрее, чем он ожидал, и мотивации, которые он приписывал ей, теперь превратились в глупые предположения. Она устроила этот прием, но по-прежнему соблюдала траур в одежде, включая и вдовий чепец, и пригласила вполне добропорядочных гостей – холостяков, семейные пары и юных женщин с их компаньонками. Конечно, в этом не было ничего, что могло бы противоречить чьей-либо морали. Ей даже удалось все повернуть так, что если о ней будут сплетничать, то наверняка скажут, что она организовала все это в память о Йене. Неужели кто-то сможет забыть, как трогательна она была в момент произнесения речи?

Тем не менее хотя само по себе приглашение гостей но-

сило скандальный оттенок, она отдалась этому с таким рвением, что Себастьян засомневался. Он еще не понимал, что ею движет и что она готова предпринять, но видел, что она не так беспомощна, как казалось. Лия Джордж хотела быть безрассудной. И так как он недооценил ее ум и причину ее бунта, он хотел бы на этот раз избежать повторения ошибки.

Когда первая песня закончилась и все захлопали, Себастьян оглянулся, встретил взгляд Лии и улыбнулся. По тому, как она подняла подбородок, он понял, что она поняла значение его улыбки: не удовольствие, не счастье, но предупреждение.

Глава 6

Скажи мне это еще раз, дорогой. Скажи мне сто раз, тысячу. Я никогда не забуду тот первый раз, когда ты прошептал мне на ухо эти слова. И никогда не устану слышать их снова и снова... Скажи мне, что любишь меня.

Все обещало прекрасный день. Позднее утреннее солнце всюду светило над головой. Стайки чистых белых облаков лениво проплывали по небу. Приятный осенний ветерок шевелил листья на ветках, покрывал воду рябью и ворошил волосы Себастьяна.

Да, это мог бы быть прекрасный день, если бы не черная фигура, портящая пейзаж: абсолютно неуместная Лия Джордж, которой быстро удалось превратиться в человека, от которого не ждешь ничего хорошего.

Как невинно она выглядела сейчас! Он мог аплодировать ей – она надела вдовью вуаль, добавлявшую ей тихой кротости, черный креп платья подчеркивал не только ее печаль, но и стройность ее фигуры, а тем временем ложь сочилась из ее уст.

«...кататься на лодках по озеру Линли-Парка было одним из любимых развлечений...»

«...и мы думали, он куда-то уехал, а потом обнаружили, что он провел весь день, катаясь на лодке...»

Его взгляд последовал за ее жестом, она указала на четыре деревянных лодки, стоявших на причале у озера. Несколько слуг вышли из дома и подошли к гостям. Каждый, орудуя веслом, подгонял лодки поближе.

– Однажды он ушел, а я потом нашла несколько отрывков стихов, которые он написал, пока отсутствовал. О птице, опустившейся на борт, разных оттенках воды, соответствующих каждому сезону... О том бесконечном спокойствии, которое он ощущал в своей душе, когда был один на озере.

Голова кружилась, Себастьян с недоверием смотрел на Лию. Все это была ложь. Йен был известен публичными чтениями стихов и прозы, но делал это довольно редко и исключительно с целью добиться расположения дам. Единственным стихотворением, которое, как знал Себастьян, написал Йен, был шуточный стишок о шлюхе моряка и деревянном члене.

– О, как дивно это звучит! – воскликнула миссис Майер, другие леди поддержали ее. – Может быть, сегодня вечером вы прочтаете что-нибудь из его сочинений?

– Я... – Лия издала неопределенный звук, и хотя другие гости подумали, что ее захлестнули эмоции, Себастьян предположил, что она растерялась. – Да, конечно. Возможно. Но я слишком заговорила. У нас четыре лодки. Думаю, мы должны разделить на две группы по два человека и по три. И в каждой лодке обязательно должен быть джентльмен, который сядет на весла.

Она сделала паузу, и даже под зонтом, частично загораживающим ее профиль, он видел расчетливый наклон ее головы, когда она решала, как распределить гостей. Не важно, куда она намерена посадить его, он планировал отказаться. Наряду с некоторыми любопытными моментами развлечения ее ложь поселила в нем убеждение, что он не должен доверять ни одному решению, какое бы она ни приняла.

Катание на лодках. Любимое развлечение Йена. О, ради Бога!

– Мисс Петтигру, миссис Томпсон, почему бы вам не присоединиться к мистеру Данлопу? – предложила Лия. – Лорд Эллиот и миссис Майер в следующей лодке. Мистер Майер, леди Эллиот, лорд Райтсли. Итак, остаюсь я и мистер Купер-Джайлс. – Черный зонтик пошевелился, и лучи солнца, упавшие на ее лицо, даже через вуаль осветили скромную улыбку. Она взглянула на барона: – Разумеется, если вы не возражаете против того, чтобы слушать мои воспоминания о мистере Джордже.

– Конечно, нет, мадам, – ответил Купер-Джайлс. – Это доставит мне удовольствие.

Себастьян скрестил руки на груди и нахмурился. Неженатый Купер-Джайлс вовсе не был негодяем, способным скомпрометировать вдову. Кроме пагубной склонности к сплетням, юный барон, возможно, был образцом морали среди них всех. Но Лия вызывала у Себастьяна беспокойство. Несмотря на все ее притворство, он не сомневался, не прой-

дет и пяти минут, проведенных в обществе Лии, как барону станет ясно, что она более счастлива от того, что ее муж умер, чем если бы он был жив.

– Прошу меня простить, миссис Джордж, – сказал Себастьян, выступая вперед, – если бы я знал о катании на лодках раньше, я освободил бы вас от неприятностей. Видите ли, я не смогу присоединиться к вам. Меня укачивает, но я хотел бы остаться здесь и наблюдать. Думаю, это было бы замечательно.

Солнце высветило уголок ее рта и овал щеки, когда она медленно приподняла подбородок. Тень вуали скрывала ее глаза.

– Как, мистер Райтсли? Мне очень жаль, какая досадная болезнь.

– Да, конечно.

– У моего кузена Герберта то же самое, – сказала миссис Майер.

Себастьян улыбнулся ей.

– Правда? – спросила Лия. – Должна признаться, я слышала, что это бывает на море, но чтобы на озере?

– О да. Даже малейшие волны могут вызвать приступ.

– Как необычно, – пробормотала Лия, прежде чем снова взглянуть на Себастьяна. – Конечно, мы понимаем, лорд Райтсли, но я просила бы вас все же остаться здесь. Хотя, может быть, вы предпочитаете вернуться в дом, пока длится прогулка?

Себастьян махнул рукой:

– Нет-нет. Все в порядке, мне хочется остаться у озера. – И, оглядев других гостей, добавил: – Пожалуйста, веселитесь. Я побуду здесь.

Мисс Петтигру посмотрела на Лию, затем на Себастьяна.

– Миссис Томпсон и я будем рады составить вам компанию, если хотите.

Почти немедленно мистер Данлоп, который должен был сидеть на веслах в лодке с мисс Петтигру и ее компаньонкой, предложил:

– Я тоже могу остаться.

Себастьян приподнял бровь. Мистер Данлоп не отличался особым искусством в своем уходе за мисс Петтигру. Себастьян вздохнул и покачал головой.

– Я не хочу портить всем этот день, – сказал он. – Миссис Джордж очень хочет, чтобы ее гости насладились прогулкой по озеру... как Йен когда-то.

Когда миссис Майер открыла рот, чтобы что-то сказать, Себастьян заподозрил, что все захотят вернуться в дом. Кроме того, граф вызывал большее доверие и расположение, чем стоящая рангом ниже вдова сына виконта, несмотря на все ее красноречие по поводу умершего супруга.

Но Лия возразила:

– Глупости! Я останусь с вами, лорд Райтсли. Мисс Петтигру, миссис Томпсон и мистер Данлоп поедут кататься, как и планировалось. Лорд Эллиот, мистер Майер и миссис Майер

поедут во второй лодке, а лорд Купер-Джайлс и леди Эллиот в третьей.

Себастьян кивнул ей:

– Спасибо, миссис Джордж. Вы очень добры.

– Пожалуйста, милорд, – пробормотала она. – Вы ближайший друг Йена, он так любил вас. Как я могу оставить вас? Он подумал бы, что я предала вашу дружбу, чего он никогда бы не сделал сам.

Себастьян напрягся. Каким сладким и обманчивым был ее тон, когда она уколола в первый раз, напомнив о предательстве Йена. Себастьян должен был терпеть ее присутствие в течение этого приема, чтобы скрыть это предательство – измену его друга и его жены. Это глубоко ранило, и миссис Джордж попала в цель.

Хотя он не смог не вздрогнуть от ее слов, ему удалось сохранить вежливое выражение перед другими гостями. Они направились к озеру, он последовал за Лией к каменной скамье в тени старого тиса, опустив вниз ее зонтик, который угрожал впиться ему в глаз – и не случайно, как он подозревал. Другие гости разместились в лодках с помощью слуг. Барон Купер-Джайлс, как ему показалось, вздохнул с облегчением, ему больше не придется слушать бесконечные тирады Лии о ее Йене.

Сидя рядом с Себастьяном, Лия прокашлялась.

– Я должна извиниться, – тихо сказала она.

Себастьян наблюдал, как слуга оттолкнул третью лодку от

берега.

– Мне очень хотелось покататься. Я не предполагала, что вы откажетесь.

– Вы не удовлетворяли его в постели? – резко спросил Себастьян, желая на ком-то выместить свою боль.

Он почувствовал, как она вздрогнула и выпрямилась, заметил, как она сжала ручку зонта.

– Если вы намекаете, что он домогался Анджелы, потому что я...

– Именно это я имел в виду. – Ему не надо было садиться так близко к ней, чтобы почувствовать ее аромат, этот чистый, сильный, неженственный запах. – Это обоснованное предположение, так как у вас не было детей. Он не мог прикоснуться к вам? Вы не так красивы, как она, не так женственны и нежны... И вы такая... громкая. Черт побери, вы даже пахнете не так, как подобает женщине. Анджела...

– Да, милорд? Я так понимаю, что вы намерены продолжать рассказывать мне, насколько идеальной была ваша жена? Возможно, как об образце честности?

– Она... – Себастьян прикусил губу. Когда он прекратит воображать Анджелу той, какой он желал бы ее видеть?

Он не мог смотреть на Лию, но ощущал ее взгляд, и его раздражение достигло высшей точки. Ни один другой человек никогда не мог заставить его испытывать такой стыд, и у него никогда не было причины сожалеть о своем поведении. Она хотела извиниться, а он даже не позволил ей этот

жест вежливости. Он забыл усмирить свой гнев, забыл, что он джентльмен.

– Я полагаю, теперь было бы логично спросить мне, удовлетворяли ли вы миссис Райтсли, – продолжала она, – но, честно говоря, меня это не интересует.

Себастьян наблюдал, как мистер Майер и лорд Эллиот, сидя на веслах, пытались синхронизировать свои широкие взмахи.

Он сидел рядом с Лией на каменной скамье, солнце проникало сквозь крону старого тиса, посылая на землю редкие золотые лучи. Минуты шли, звук ее дыхания вошел в его подсознание вместе с тихим постоянным ритмом, и он смог предсказать каждый последующий вздох.

На озере слышался смех мисс Петтигру, очевидно, в ответ на какую-то шутку мистера Данлопа.

Себастьян беспокойно пошевелился. Тишина под тисовым деревом казалась особенно напряженной, после того как эхо женского смеха замерло вдали. Напряженная и гнетущая и вместе с тем интимная. Он мог поинтересоваться мотивами Лии, узнать, почему она ведет себя так, чтобы предупредить дальнейшие глупые поступки, но не хотел знать ее так... Ни ее запах, ни ритм ее дыхания, ни даже то холодное достоинство, с которым она отвечала на незаслуженную атаку.

В конце концов она заговорила первая, ее тон был легким и ироничным, словно они были два нормальных человека,

ведущих обычный разговор.

– С вашим недомоганием, я думаю, вы не должны были часто кататься на лодке с Йеном.

Себастьян повернулся к ней и улыбнулся уголками рта:

– Да, не часто.

Она тоже посмотрела на него, ее лицо было так близко, что даже вуаль не могла скрыть его. Вишневый оттенок коричневых глаз. Изысканную форму носа. Прекрасный, соблазнительный изгиб ее губ, как будто бы Бог, чувствуя вину за то, что не дал ей более женственную фигуру, вложил все свое старание, создавая этот рот.

Усмехнувшись своему пристрастному изучению деталей ее лица, Себастьян снова остановился на ее глазах. На этих, скорее простых, неожиданного оттенка карих глазах.

– На самом деле я вообще не помню, чтобы мы катались на лодке с Йеном. Как и то, что я никогда не видел, чтобы катался он, и не слышал ничего об этом. Скорее я помню, как Йен рассказывал мне, что боится любой воды шире ручья после того, что с ним приключилось в детстве.

Лия заморгала:

– О, это было очень неприятно.

– Неприятно, что он не любил кататься на лодке или что я поймал вас на лжи?

– Первое, конечно. И потом вы здесь единственный, кому это известно. Я пригласила только тех, кто не был близко знаком с Йеном. И очевидно, я тоже не знала его так хорошо,

как думала, так как он никогда не признавался мне в своих страхах.

Он никому в них не признавался, насколько знал Себастьян. Йен сказал только ему, когда Себастьян нашел его дрожащим и плачущим после того, как преподаватели Итона заставили каждого студента принять участие в соревнованиях по плаванию.

– А стихи...

Склонив голову набок, она небрежно крутила зонтик.

– Надеюсь, я не слишком увлеклась? – Ее губы изогнулись в кокетливой улыбке. Он смотрел и ощущал дискомфорт от осознания, что Лия Джордж умела, как никто, изобразить эту кокетливую улыбку.

Лия Джордж умела улыбаться.

Пожав плечами, она снова посмотрела на озеро.

– Как я сказала, я хотела бы покататься на лодке.

– Я вижу. Я могу поинтересоваться, какое следующее развлечение ждет нас? Может быть, Йену нравилось вязать, или рисовать акварелью, или сочинять гимны в свободное время?

Она покосилась на него из-под вуали:

– Карты Таро. Он любил читать их.

Он застонал, а Лия снова улыбнулась:

– Я могу проявить великодушие и уступить вам это право.

Как его ближайший друг, именно вы можете предположить круг его интересов. Что же предпочитал Йен?

Что Йен предпочитал... что ж, рыбная ловля, охота. Танцы и карточные игры. И еще – трахать жену Себастьяна.

– Нет, спасибо, – сказал он.

Лия кивнула, ее взгляд остановился на других гостях.

– Мисс Петтигру и мистер Данлоп, кажется, нашли общий язык, вы не думаете?

Его абсолютно не интересовали мисс Петтигру и мистер Данлоп, ее потенциальный поклонник, во всяком случае, не сейчас, когда его мозг был занят мучительными видениями Анджелы и Йена – как он ублажал ее своими ласками, как она изгибалась в истоме... Хорошее настроение внезапно испарилось.

– Скажите мне, миссис Джордж, если вы хотели покататься на лодке, то почему просто не сделали это? Ваши слуги могли составить вам компанию. Зачем инициировать скандал, приглашая гостей? Почему вы пренебрегли моими советами?

Она молчала.

– Я не привык, чтобы меня игнорировали.

Без предупреждения она встала и пошла от скамьи. Себастьян направился следом за ней. Когда он открыл рот, чтобы снова задать вопрос, она повернулась к нему.

– Примите мои извинения, милорд. Я думаю, катание на лодках почти закончилось, впереди наш пикник. – Она набрала воздуха в легкие, улыбнулась. Это был маленький жест вежливости, и Себастьян поймал себя на том, что скучает по

этому прекрасному, непристойно соблазнительному изгибу губ. – Я надеюсь, вам понравилось, – закончила она и отвернулась.

* * *

В этой части поместья Линли-Парк было не так много деревьев. Вблизи холмов простирались луга, и только несколько дубов и тисов разбавляли пейзаж.

Рассадив гостей в тени, слуги разложили на низких столиках еду: лобстер, вареные цыплята, ведерки со льдом, из которых торчали бутылки шампанского, пирожные с ягодами, свежие булочки с кремом, и еще, и еще... Удовлетворенно Лия отпустила слуг и вернулась к озеру.

Райтсли помог леди Эллиот и барону Купер-Джайлсу выйти из лодки, вытащил весла на берег. Хотя Лия стояла и ждала, легкий ветерок играл с краем ее вуали, ее сердце продолжало взволнованно биться в груди.

Было бы не трудно объяснить ему, почему она решила устроить этот домашний прием. После унижительного сравнения с Анджелой ничто больше не могло ранить ее гордость, даже признание в одиночестве. Если бы у него было желание выслушать ее, то он бы узнал, с какой осторожностью она обдумывала этот прием, желая по возможности избежать скандальных последствий. Она даже написала виконту Реннеллу, прося его разрешения. Да, она планировала

разные развлечения для собственного удовольствия, но так, чтобы каждый мог поверить, что она делает это в память о Йене. В рамках предосудительного поведения она зашла так далеко, позоря себя и возбуждая слухи о романе.

И все же даже при том, что правда могла бы успокоить его, она не могла быть откровенной до конца, желая сохранить хоть что-то внутри себя неприкосновенным. В течение двух лет она отдавала себя, а Йен брал, воспринимая это как должное. Хотя она старалась спрятать от него свои чувства и не выказывать в отношении его ничего, кроме вежливости, видя, с каким раскаянием он иногда смотрит на нее, с какой тщательностью занимается с ней любовью, стараясь загладить свою вину, она знала, что он понимает все: ее гнев, ее печаль, разбитые надежды... И что в один прекрасный день роман закончится и он вернется к ней. Если бы даже сейчас она ощущала лишь одно одиночество, неужели она не имела права оставить что-то внутри себя закрытым для всех? Не рассказывать никому, что, кроме одиночества, она ощущает страшную уязвимость?

– Какая чудесная идея! – воскликнула леди Эллиот, бросая взгляд на Лию. – Я могу понять, почему мистер Джордж так любил это занятие.

Все с той же улыбкой Лия обратилась к Райтсли и указала жестом на павильон.

– Мне очень приятно, что вам понравилось, миледи. Но сегодня такая дивная погода, что, я думаю, мы сможем

устроить пикник.

Леди Эллиот, дама среднего возраста с невероятно длинным носом и морщинками в уголках губ, подошла к Лие.

– Если я могу быть откровенной, миссис Джордж...

– Пожалуйста, – сказала она, напрягая плечи. Одному Богу известно, какую откровенность она может вынести сегодня.

– Я ожидала, что вам не удастся избежать скандала.

Улыбка Лии стала искренней. Вот бы она сказала это погромче, чтобы мог слышать Райтсли.

– Мне очень жаль, что я разочаровала вас.

– Да, и все же... – Леди Эллиот подобрала юбки, пока они шли к навесу. – Хотя ваша преданность мистеру Джорджу так трогательна, мне хотелось бы думать, что лорд Эллиот сделал бы то же самое, если мне будет суждено уйти в мир иной первой. Но я не могу представить, что он способен на большее, чем просто поднять бокал виски в мою честь. Или раскурить сигару. Или ущипнуть одну из горничных.

У Лии перехватило дыхание.

– Я уверена, он не стал бы...

Рассмеявшись, леди Эллиот отмахнулась от нее:

– Нет, конечно, нет. Он побоялся бы, что я встану из могилы и отомщу ему. И все же, миссис Джордж, что бы ни говорили, вы почти заставили меня поверить в любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.